

ГИЛЬДИИ РАВНИКИ

Сборник новелл

[Под покровом тумана](#)

[Рискованные начинания](#)

[Кланы и Легионы](#)

[Смерти бесценные мгновения](#)

[Узы и оковы](#)

Автор:

Nicky Drayden

Перевод:

Андрей Ф. Галилейский

ПОД ПОКРОВОМ ТУМАНА

Надзорная муха жужжит серебристыми крыльями у самого моего уха, и я едва сдерживаюсь, чтобы не отогнать ее прочь. Тот, кто ее зачаровывал, явно схалтурил - очевидно, первогодка в магии разума. Большую часть времени насекомое пялится на меня, вместо того, чтобы отслеживать поставки оружия. За первую пара неделю работы на пристани не было ничего особенного, но теперь и дня не проходит, чтобы я не наткнулся на ящик, набитый боевыми молотами, инкрустированными драгоценными камнями, или доспехами, выточенными из кости, или кинжалов, пропитанных ядом. Напряжение в Равнике нарастает, в этом я совершенно уверен, но Дом Димир не ждет от меня умозаключений. Им нужно, чтобы я все делал максимально скрытно и не попался. В плотном лабиринте из сложенных ящичков по дюжине в высоту, моя работа проста – вставляю лом под крышку, слегка нажимаю, запускаю в щель муху, жду, когда она вылетит, и перехожу к следующему... только вот на этот раз мое внимание привлекает заманчивый блеск.



Wesley Burt

Надпись на ящичке гласит «Виски Южного Склона», и в следующее мгновение бутылка уже в моей руке. Дорогой напиток, зачарованный и выдержанный в бочках из тысячелетних деревьев, выкраденных из Селезнийских заповедников. Аморально? Возможно. Выгодно? Несомненно. Послужит уроком тому, кто не запечатал ящик более надежным заклинанием. Насекомое пищит мне в ухо, подгоняя идти дальше, но слишком поздно. Мой разум уже рисует горы золотых зино, за которые я смогу продать эту бутылку. Вытянутый, узкий сосуд вполне поместится в кармане моего тренча. Никто ничего не заподозрит. Внезапно мужа издает пронзительный свист, я поднимаю голову, и только теперь отчетливо слышу приближающиеся шаги, которых должен был остерегаться. Небрежно, Меррет, небрежно. Туман клубится, размывая мои очертания, и я в

последнее мгновение сую бутылку обратно в примятую солому, осторожно закрываю крышку ящика, и пытаюсь не привлекать к себе внимание.

- А! Меррет! – раздаётся громогласный голос Гримбли Уотиса, моего босса. Он стоит, сложив руки на широкой груди, царапая рогами ящики, сложенные по обе стороны узкого прохода. Полубык, получеловек, и на сто процентов заноза в заднице. – Ты-то мне и нужен.

- Сэр? – отзываюсь я, отводя взгляд в сторону, пытаюсь прикинуться ветошью. Страстно желая стать невидимым.

- Туман слишком густой, а у меня потенциальный инвестор желает осмотреть гавань. Давай-ка, рассей его.

- А Уорвик не может это сделать? – спрашиваю я. С легким туманом я бы справился, но, несмотря на целый год обучения, у меня не хватает концентрации, чтобы расчистить туман над всей гаванью. Не могу сосредоточиться ни для наведения кошмаров, ни для стирания воспоминаний. В качестве тайного агента Дома Димир, я мало чего могу предложить помимо работы ломом в интересах гильдии.

- Уорвик выходной. Как и Бендер. Ты сегодня один. – Он осматривает меня с головы до ног, фыркая ноздрями. – К сожалению.

- Спасибо за доверие.

- Как тебе такое доверие... не развеешь туман - за сегодня оплаты не получишь?

- Уже приступил, босс, - ворчу я. - Надо было забрать чертову бутылку. С этим туманом мне ни за что не справиться. Счета просрочены, жена и дети голодные. Каждый день просрочки увеличивает долг. Я плетусь на край самой дальней пристани и концентрируюсь на магических потоках вокруг меня. Я притягиваю их силу к себе, словно вдыхаю толченное стекло, и затем отпускаю ее, мощь высвобожденной маны громом отдается у меня в ушах. Туман слегка за клубился, отступив примерно к середине реки, обнажив гладкий корпус Симииковской шхуны, неслышно рассекающей волны под парусами, украшенными их спиралевидной символикой. Два мерфолка плывут рядом с судном. Один из них поворачивает голову в мою сторону, хмурится, затем проводит перепончатой ладонью по корпусу лодки. В считанные секунды шхуна растворяется в мерцающей сине-зеленой ряби, неотличимой от беспокойной поверхности реки. Маскировка идеальна – разглядеть судно практически невозможно, если не знать, куда именно нужно смотреть.

Гримбли Уотис топает копытами, его низкий, ревуший хохот практически в точности имитирует вой сигнальной сирены.

- Мы ничего не видели, верно? – восклицает он, поворачиваясь к инвестору со злорадной ухмылкой. – Туман играет ключевую роль в торговле судов, приплывающих в эту гавань, и, как вы скоро сами убедитесь, он приносит немалую прибыль. Я покажу гавань завтра. А сегодня мы обмоем начало наших деловых отношений! – Гримбли Уотис хлопает своей массивной, мохнатой ладонью по спине инвестора, уводя его с пристани, пронзив меня леденящим душу взглядом.

Я едва слышно поднимаюсь по мокрым ступеням жилого здания, в котором находится наша комната, избегая хруста опавшей листвы, сбившейся в углах лестницы. Ночлежки, такие как эта, построены плотно друг к другу, их башни торчат подобно громадной пасти с обломанными клыками. Лучи солнца сюда не проникают. Никогда. Поселок «Замочная скважина» далеко не худшее место, в котором мы могли обосноваться, но этот извечный мрак порой действует на нервы.

Поднявшись на девятый этаж, я украдкой заглядываю в открытое окно. Наша крохотная кухонка выглядит так, словно на нее обрушилось чье-то заклинание ярости. Опрокинутые миски и мерные ложки разбросаны по столу. Таши, балансируя грудного ребенка на бедре, колдует над дешевыми целебными мазями из смеси маранты и кабаньих специй для продажи на рынке. Она трудится в тусклом свете единственной свечи, парящей тревожно близко к растянутой ткани ее плаща – зеленого с золотыми листьями по кайме. Я еще помню, как когда-то он был ей в пору.

Я проворачиваю дверную ручку и вхожу внутрь. Дому Димир и не снились такие ловушки, какими устлан вход в наше жилище. Деревянные кубики, ждущие во мраке босую ногу жертвы, готовые пронзить ее острыми углами. Костяной ксилофон на колесиках – быстрый путь к сломанной шее. Я обхожу их уже почти интуитивно, готовясь огорошить жену новостями.

- Меррет! Ну, наконец-то, - раздраженно восклицает Таши. Она сует ребенка мне в руки, ему уже почти год, но он все еще такой же капризный и апатичный, как новорожденный. В нем почти нет веса, нос постоянно течет. Две секунды у меня на руках, и лацканы тренча в соплях.

- Папочка! – Сочи, моя старшая, мчится ко мне, тараня головой прямо в живот. Я сглатываю боль и заставляю себя улыбнуться.

- Сочи, тебе разве не пора спать? – спрашиваю я.

- Хотела повидаться с тобой, папуля.

- Ты сегодня хорошо себя вела?

- Полный кошмар, - ворчит жена. – Разбила бутылку экстракта корня мат'ти. Все коту под хвост! Где нам взять денег на замену? Денег на газовые лампы, чтобы я не горбилась над этим огарком весь день? Денег на еду ребенку?

- Я вчера принес дюжину яблок, - напоминаю я, надеясь оттянуть следующий вопрос. *Где деньги за сегодняшний день?* Работа на пристани, может и тайное задание, но деньги реальные, и они – единственное, что держит нас наплаву.

- Это гниль, Меррет. Базарные отбросы. Ребенок постоянно ест, но не набирает веса. Ему нужно настоящее питание. Питание из нормальных бакалейных рядов. Что-нибудь, чем он наестся!

- Я тоже хочу есть! – Вопит Сочи, хлопая по впалому животу. – И мама!

- Живо в кровать! – Бросает ей жена, и маленькие ножки шлепают по каменному полу. Сочи укладывается в свой закуток у давно погасшего очага и закатывается в грудь прохудившихся покрывал, остатки старых утепляющих чар сползают с них, подобно клокам шерсти с линяющей дворняги.

- Я... – я открываю рот, но впервые замечаю, каким осунувшимся стало лицо моей любимой. Ком встает в горле, и я не в силах выдать ни слова. – Я не...

- Достань еды, Мерет. Мне плевать как. – Она вырывает ребенка из моих рук и возвращается к колдовству над своими травами.

Несколько мгновений я стою там, пытаюсь понять, как моя жизнь превратилась во все *это*. Туман просачивается из-под входной двери, клубится вокруг меня, словно уличная тоска явилась за своей долей в мой дом. В мою душу.

Воровать в бакалейных рядах куда сложнее, чем на рынке «Замочно-скважинского Спуска». О, здесь они весьма приветливы. Похоже, у меня личный эскорт, следующий в пяти шагах от меня с неизменной широкой улыбкой. Я пытаюсь избавиться от него, петляя между рядами и витринами с горячими пирогами из рубленой оленины, пирамид безупречных фруктов, и корзин с дюжиной различных сортов живых личинок на любой вкус вяжино. Но, чтобы я ни делал, смотритель торговых рядов не отстает от меня ни на шаг. Полагаю, то же лицо со шрамом, которое говорит, «не вздумайте меня надуть» продавцам «Замочно-скважинского Спуска», в этом напыщенном районе кричит, «Я - вор!».

Я ухожу с пустыми руками, но вдобавок ко всей своей невезучести, слышу ревуший хохот, столь знакомый и ненавистный моему сердцу. Я поднимаю голову в сторону источника звука и замечаю Гримбли Уотиса с его приятелем инвестором, выходящих из дома в четырех ярусах от меня – строение массивное, высоченное, сочащееся очищающими заклинаниями, оберегающими от граффити и прочего вандализма. Я знал, что он живет где-то здесь, но и представить себе не мог, что его жилище *настолько* роскошно. Свет огромных газовых фонарей рассекают мглу, отражаясь от серебряных символов, украшающих гладкие стены из полированного красного камня.

Я наблюдаю, как прохожие с трудом протискиваются между арочными сводами рыночных рядов. Громадный индрик плетется по улице в наморднике из такого количества магии, что ее шипение и потрескивание доносится даже до моих ушей. Толпы рабочих держатся за паутину ремней, накинутую ему на спину, возвращаясь из дальних районов. Типичный вечерний час-пик. Закованные в доспехи центурионы в шлемах, украшенных лучами солнца, стоят неподалеку. Они

следят, чтобы ночное движение носило хотя бы отчасти мирный характер. Я пытаюсь слиться с тенью и, как только убеждаюсь, что мой босс направляется в паб, крадусь к его дому. Заклинание на входной двери надежное. Мне такое взломать не под силу, но минотавры слишком твердолобые, чтобы представить себя в роли потенциальной жертвы ограбления. Я обхожу здание, запрыгиваю на балкон и, конечно, обнаруживаю не запертое окно.

Я просачиваюсь внутрь, подобно уличному туману, едва касаясь дорогой керамической плитки на полу. Меня грызут сомнения. Конечно, я периодически подворываю на рынке, может, пару раз и карманы щипал, но никогда не делал ничего подобного. Я уже почти решаю уйти, вспомнив разочарованный взгляд моей наставницы, после того, как я не смог вытащить ни единой нити воспоминаний, спустя полгода упорных тренировок. «Может, тебе не место в Доме Димир», сказала она тогда. Точнее, не сказала. Она воткнула мне эту мысль прямо в мозг с легкостью выдоха. И эта мысль все еще там, на самой поверхности. Я пытаюсь о ней не думать. Мой отец был шпионом. Как и три моих тетки и дядя. Скрытность у нас в крови. Я справлюсь.

Пройдя узкий коридор, я оказываюсь на кухне. Газовые лампы горят на минимуме, окутывая мебель желтоватым полумраком. Вон там, на разделочном столе стоит корзина с хлебом. Я беру батон, чувствуя, насколько он увесист, чуть ли не кирпич в руке. Он идеален. Но мое внимание привлекает что-то блестящее, торчащее из металлической стойки рядом с корзиной. Эликсиры. Тут их целая дюжина. Я вытаскиваю одну из бутылок, вытянутую, с прямоугольными гранями, из толстого стекла ручной работы. На металлической бирке написано: «Эликсир концентрации». Внутри искриться голубая жидкость, словно пропитанная чистейшим лунным светом. Хлеб – это хорошо. Он накормит сегодня мою семью, но это... всего пара капель этого эликсира смогут изменить нашу жизнь. Я смог бы укрепить свои магические навыки, отличиться на пристани. Вернуть расположение гильдии. Всего пара капель. Мой босс никогда не узнает об этом.

Я вынимаю пробку, и запах мгновенно окутывает меня... мягкий, ватный аромат, чем-то напоминающий свежевывстиранное одеяло. Я открываю рот, наклоняю бутылку.

Одна капля.

Две.

Еще одну для ровного счета. Но прежде чем последняя капля успевает коснуться моего языка, свет в кухне вспыхивает в полную мощь. Мои глаза расширяются от неожиданности, и эликсир обливает меня, течет по подбородку, впитывается в тренч. Я стою, замерев, словно статуя, наблюдая, как в кухню заходит самка минотавра. Ее глаза полузакрыты, в волосах бигуди, длинная ночная сорочка свисает до самых копыт. Я бы и в страшном сне не смог бы представить, что в Равнике найдется существо, желающее каждое утро просыпаться рядом с Гримбли Уотисом. Настоящий шпион бы потратил время на то, чтобы это выяснить. Зачем я себя обманываю? Я шпионам и в подметки не гожусь. Я даже вором могу себя назвать лишь с натяжкой.

Она зеваает, и я вижу каждый ее зуб. Здесь потенциальных угроз нет, но я вполне уверен, что она способна разломать меня пополам, если подойдет к этому процессу с душой. Я стою, замерев на месте, на самом виду, не решаясь даже напустить вокруг немного тумана. Она явно спросонья, но могу гарантировать, что так будет не долго. Она направляется к столу напротив меня, достает

большую металлическую миску и наполняет ее до краев травой и ячменем. Берет миску обеими руками и бредет в мою сторону.

Я ощущаю действие эликсира. Рассеянные мысли сосредотачиваются, и я начинаю напрягать мышцы, о которых даже не подозревал. Мои пальцы светятся, и давно позабытое заклинание неожиданно вертится на языке. Я втягиваю магию, и разум хозяйки дома открывается передо мной, подобно карте. Я осторожно тяну здесь, подталкиваю там, и становлюсь для нее совершенно невидимым. Она едва не касается меня, жует, жует, жует... рот открыт, в полужакрытых глазах отсутствующий взгляд.

Меня накрывает чувство вины. Я пролил так много эликсира. Нужно как-то извиниться. Предложить возместить ущерб. Но мы не можем себе позволить подобный долг, особенно с учетом того, сколько ее муж мне платит. *Когда* платит. Кроме того, если Дом Димир разнюхает, насколько я никчемен в шпионаже, то я исчезну навсегда. Я поступаю правильно, замерев и не издавая ни звука. Даже если придется торчать здесь всю ночь. Я делаю медленный вдох и прижимаю хлеб к груди, словно от него зависит моя жизнь, утешая себя мыслью о том, что скоро он накормит моего голодного ребенка.

Залп магической энергии срывается с кончиков моих пальцев, туман сдувается прочь, и впервые за все время моей работы на пристани, река просматривается, куда хватает глаз. Смотреть особо не на что – мутная вода, загаженная мусором и сгустками речных водорослей. Не могу отделаться от мысли, что таинственность была бы выгоднее Гримбли Уотису и его инвестору, чем голая правда. Гавань вовсе не так хороша, но это уже не моя проблема.

Меня переполняют эмоции. Вся эта мощь в моем распоряжении подталкивает к тому, чтобы покрасоваться ею перед другими работягами на пристани. Янтис управляет погрузчиком, вяжино с липкими пальцами прекрасно справляется с рычагами и лебедками. Но его раздвоенный язык не раз метал в мою сторону кривое слова на его рептилийном диалекте, и небольшая расплата кажется мне уместной. Я вспоминаю заклинание кошмара, которому давно пытался обучиться. Прежде оно ни разу не материализовалось в нечто ясное, но теперь я вижу, как у Янтиса плотными нитями выкипают из мозга страхи, ждущие, чтобы я их немного подергал. Энергия наполняет меня так стремительно, я едва могу ее контролировать. Янтис вопит, отмахиваясь от жутких видений, возникших перед его глазами. Стрела погрузчика кренится влево, с нее срывается ящик и с ускорением катится в сторону Гримбли Уотиса, стоящего с инвестором у края пристани. Мой босс видит сорвавшийся ящик, видит паникующего Янтиса, замечает остатки заклинания кошмара, ускользающие с моих пальцев. Он хмурится, глядя на меня, затем, в последний момент, толкает инвестора в реку. У него едва хватает времени самому прыгнуть в воду, прежде чем ящик разбивается на том самом месте, где они стояли секунду назад.

Слышится треск стекла, и воздух наполняет острый аромат дорогого виски. Надзорная муха снова гудит мне в ухо, хлопая крошечными крыльями, плясь на меня. Нет, нет ничего тайного в том, чтобы разбить груз стоимостью в тысячу зино. Я зажмуриваюсь. Потерю работы я переживу. Но

когда в мою дверь постучит Дом Димир, меня просто перестанет существовать. Да им и стучать не придется.

Я со всех ног бегу домой. Нам придется взять лишь самое необходимое и убраться из Замочной скважины, возможно, схорониться в старом Квартале Призраков, или искать убежища в руинах Махованы, привыкая жить на деревьях. Я дергаю ручку входной двери так сильно, что выламываю замок, остатки слабого защитного заклинания таят в воздухе. Таши стоит передо мной с ребенком на руках, на ее лице сияет широкая улыбка.

- Меррет! Меррет, ты должен это увидеть! – Она поднимает младенца вверх. Он словно расцвел. Щеки полные и розовые, беззубая улыбка сверкает, глаза искрятся. – Он теперь такой сильный. Пощупай его мышцы. Мне кажется, он со дня на день сможет ходить. – Затем она обнимает меня, целует в щеку, говорит, как она меня любит, и я не могу вставить ни слова о том, что наша жизнь скоро изменится, и вовсе не в лучшую сторону. «Теперь все будет хорошо», - говорит она, а я, я лишь тарашусь на яркое синее пятно от эликсира на ломте хлеба, который обгладывал мой ребенок. Наблюдая за тем, как оно искрится, подобно лунному свету.

Затем младенец чихает, и все свечи с доме вспыхивают огнем.

Что-то произошло. Хорошее, или плохое, я не знаю. Нет времени думать об этом, в дверь стучат. Я наваливаюсь на нее всем телом. С той стороны орет Гримбли Уотис о том, что он знает, что я виноват в несчастном случае, и что я не только уничтожил его груз, но и отпугнул инвестора. Говорят, от ругательств мерфолков вянут уши, но они не идут ни в какое сравнение с разъяренными копытными владельцами пристаней. С выломанным замком, дверь долго его не удержит. Я шепчу Таши, чтобы она с ребенком спряталась в шкаф, а Сочи забила в спальном углу и накрылась одеялом. Я... мне негде спрятаться в нашей лачуге. Это и не важно, потому что, когда здоровенное копыто выбивает хлипкую дверь, я отлеттаю вместе со щепками, ударившись челюстью об пол.

В считанные мгновения туман в моей голове рассеивается, и я начинаю собирать магические потоки между собой и минотавром, пытаюсь укрыться от его взгляда, но тщетно. Гримбли Уотис стоит надо мной, склонив морду, его взор столь же острый, как и его рога. Куски плавучего мусора все еще облепливают его непросохшую одежду, и от него разит сочетанием стоячей воды и мокрой шерсти.

- Ты мне должен, Меррет. – Он бросает взгляд на мое жилище и заливается своим ревушим хохотом, словно мысль о том, что у меня может быть что-либо ценное была невероятно смешной. – Я бы вычел ущерб из твоей зарплаты, но тебе пришлось бы отработать три жизни, чтобы возместить стоимость того виски. Затем, я подумал, что ты просто расплатишься своей шкурой, но, похоже, у тебя все же *есть* нечто достаточно ценное.

Мое сердце сжимается в груди и перестает стучать. Я наблюдаю, как его взгляд скользит по нашей кухне.

- Я сделаю все, что угодно, - говорю ему я, украдкой становясь между минотавром и шкафом. – Буду мыть пристань каждый час. Двойные смены. Жена! Моя жена тоже станет на тебя работать. Мы выплатим все, что тебе должны, обещаю.

- Я видел в окно, что сделал ребенок. Этот его фокус со свечами. – Он бьет меня копытом по голени, и я едва сдерживаю стон от боли. Еще один удар, теперь по ребрам, и я падаю на пол.

Он перешагивает через меня и распахивает двери шкафа. Таши не может сдержать слез, младенец спит у нее на груди. Вид страдающей жены и ребенка в опасности разжигают во мне ярость, я вновь поднимаюсь на ноги. Притягиваю магию... если раньше, это был мучительный процесс, подобный тщетному всасыванию жидкости сквозь дырявую соломинку, то теперь энергия вливается в меня потоком, столь же безудержным, как сама река.

- Такой ребенок чего-то стоит, - говорит Гримбли Уотис, пытаюсь вырвать младенца из рук жены. Она пинается, кусается и кричит, и вот уже ребенок проснулся и плачет.

Кончики моих пальцев вспыхивают светом, и нити разума моего босса открываются передо мной. Я дергаю за них, сплетая в кошмарное видение, воздействующее лично на него, воспроизвожу его самые глубинные страхи. Теперь уже орет и Гримбли Уотис, беря идеальную ноту, от которой дрожат стекла наших газовых ламп. Он сражается с несуществующим врагом, разбрасывая вокруг кастрюли и миски, спотыкаясь о стулья. Он шарахается из стороны в сторону, не глядя, на что наступает. Мои нервы натягиваются в струну, с каждым его шагом в сторону груди одеял, под которыми прячется Сочи. *Эти копыта...* моя концентрация меркнет лишь на мгновение, но этого достаточно Гримбли Уотису, чтобы стряхнуть с себя кошмарные видения и бросится к моему сыну.

И вот уже мой ребенок в руках минотавра, его спина выгибается, он издает истеричный вопль, от которого у меня все внутри обрывается.

- Как всегда, у тебя не хватает концентрации, Меррет, - бросает мне Гримбли Уотис. – Но теперь мы квиты.

- Отдай моего...

Минотавр поднимает ногу, и на мгновение я поражаюсь тому, как натянуты все его мышцы, затем его копыто врезается мне в челюсть и весь мой мир взрывается в агонии. Я ловлю кровь обеими ладонями, но ее слишком много. Должно быть, я отключился на пару мгновений, потому что Уотис уже у двери, пытается протиснуть рога сквозь дверной проем, пока ребенок извивается в его руках, а жена хватается за шерсть на его бедре. Резко вдернув ногой, он стряхивает ее, она отлетает и врезается в тумбу. Что-то трещит, и это явно не старая деревянная мебель.

Я концентрируюсь изо всех сил, игнорируя крики ребенка и жуткие всхлипы со стороны жены. Я вбираю магию, пытаюсь сплести петлю вокруг толстой шеи моего босса, но поток энергии уже иссяк, вернувшись к изначальному состоянию. Вместо удушья, минотавр ощущает легкое першение в горле. Он кашляет, оборачивается в мою сторону. Хохочет.

- Жду тебя завтра на пристани, бодрым и ... – Его глаза округляются, дыхание спирает. Я смотрю на свои пальцы, грязные и окровавленные. Вокруг них ни единой магической нити, но у Гримбли Уотиса явно свело мозг. Я замечаю напряженность в глазах ребенка. Мой сын вновь выгибает спину, вскидывает руки, и в следующее мгновение пропадает. Он растворился в воздухе. Исчез.

- Что ты сделал с моим ребенком? – выкрикивает жена, прижимая руку к сломанным ребрам.

Маленькая храбрая Сочи вышла из своего укрытия и теперь бросает в Уотиса деревянные кубики. Один попадает ему прямо в лоб.

- Прекрати! Ты попадешь в брата! – Говорю ей я, поднимаясь на ноги и вглядываясь в одеяльце ребенка. Я пытаюсь нащупать его в руках босса, но одеяльце пусто. Меня охватывает паника. Он что, его уронил?

Гримбли Уотис начинает кашлять, судорожно втягивая воздух, едва удерживаясь на ногах. Налитые кровью глаза пронзают меня полным ненависти взглядом. – Где ребенок? – произносит он, словно обвиняя меня в исчезновении младенца.

Я так зол, что не в состоянии мыслить трезво и бью его кулаком в челюсть. Его ноздри раздуваются, а взгляд смягчается, словно в благодарность за то, что своим жестом, я позволил ему перейти к настоящей потасовке. Мои кулаки сжаты, мы деремся, и я стараюсь оттеснить его за дверь, а он пробивается обратно в комнату, и в этот момент Таши выкрикивает имя ребенка, и мы оба останавливаемся и поворачиваемся в ее сторону.

Младенец сидит на полу. В поцарапанных ручках он держит странный фиолетовый фрукт в форме звезды. Ничего подобного я прежде не видел. Он сует его в рот, и от горькой кожуры его губы морщатся. Он роняет фрукт, и переваливается на четвереньки, собираясь уползти. Гримбли Уотис пытается оттолкнуть меня с дороги, но я удерживаю его изо всех сил. – Иди к маме, - кричу я сыну. – Иди к маме!

Но ребенок меня не слушает. Его взгляд направлен в дальний угол комнаты. Затем я замечаю тень в кресле у камина. Мы все ее видим. Его. И где-то в глубине сознания я понимаю, что он сидит там уже давно. Он закутан в свободный плотный плащ, сшитый из кожи животного, истребленного сотни лет назад... Он выглядит величественно даже в нашем кресле-качалке. Вся магия в комнате, во всем доме, возможно, во всем районе стекается к нему, словно к воронке, неожиданно возникшей в спокойном пруду. Я трясую головой, пытаюсь избавиться от невероятных мыслей. Возможно ли, что это Лазав? Лазав, гениальный гилдмастер Дома Димир? Каждая кость в моем теле желает приклониться перед ним, несмотря на то, что это была бы крайне опасная неосмотрительность с моей стороны.

Ребенок отталкивается от пола, и неожиданно встает на ноги... пошатываясь из стороны в сторону, прежде чем сделать свой первый неуверенный шаг. Он мельком улыбается, довольный собой, затем делает еще один шаг, и еще один, пока инерция движения не одолевает его, и он падает прямо в руки Лазавы. Тот усаживает его к себе на колени.

- Все неоплаченные долги Меррета будут выплачены Вам в полном объеме к концу завтрашнего дня, - произносит Лазав, обращаясь к моему боссу. – Взамен, Вы воздержитесь от последующих контактов с любым из членов этой семьи. Не так ли, мистер Уотис?

- Ты кто, черт возьми, такой? – рычит минотавр, встав в полный рост и склонив голову, готовя рога к битве.

- Никто, - говорит Лазав, его голос глухой, словно шепот, лишенный всякой мягкости. Он взмахивает рукой, и вся комната начинает вращаться, заклинания сверкают серебряными вспышками по периметру нашего дома. Я прижимаюсь к полу, ощущая, как вес всего мира давит на мои легкие. Вращение ускоряется – мебель дрожит, стены шатаются, окна искажаются и вот-вот расколются и осыплются из рам. Затем все внезапно замирает.

На одно долгое мгновение воцаряется абсолютная тишина, затем слышится тихий голос Гримбли Уотиса, - Ладно. Согласен. Как скажешь, - и он, шатаясь, плетется за дверь, едва не перевалившись через лестничные перила.

- Хорошо, - говорит Лазав, улыбаясь в мою сторону, мой сынишка весело сосет свой палец, сидя у него на коленях. – Этот малыш еще изумит нас столь же сильно, сколь ты нас разочаровал.

- Я не отдам вам сына, - говорю я с уважением, но, тем не менее, твердо.

- Мы не желаем забирать его. Во всяком случае, не таким образом. Он останется с тобой. Ты вырастишь его, как сочтешь нужным. Но взамен оплаты долгов, мы просим позволения выслать к вам наставника, который проследит за его обучением. Конечно, мы также предоставим скромную плату, чтобы ты мог удовлетворить его потребности. И свои.

Моя челюсть отвисла. Я подхожу к Таши, осторожно обнимая ее, стараясь унять часть ее боли, затем мы молча смотрим друг на друга, ошарашенные, силясь подобрать правильные вопросы, но не находя нужных слов.

- Мой братик особенный? – слышится голосок Сочи, не более чем писк, пропитанный ужасом.

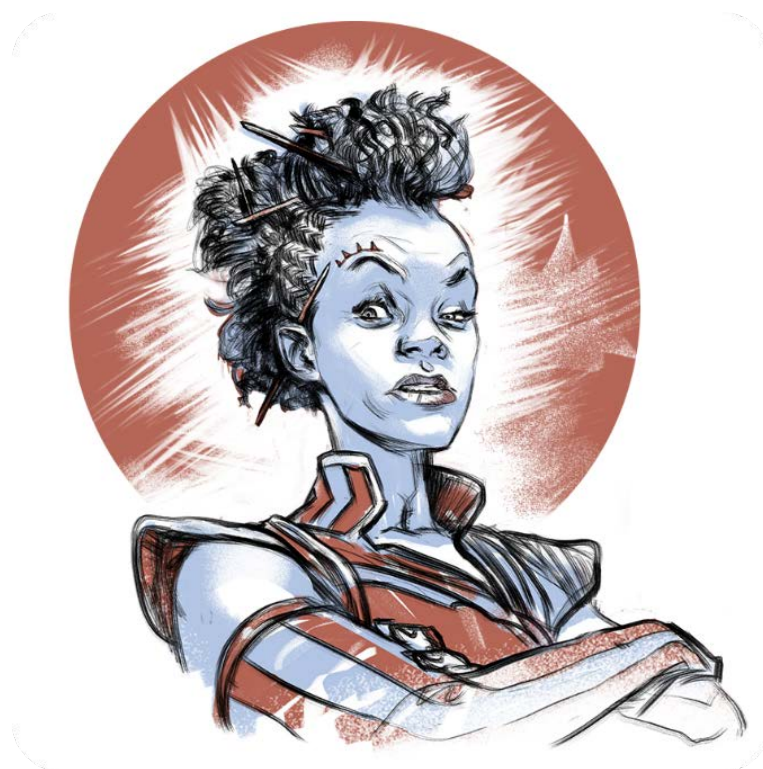
Лазав хрипло смеется, его смех подобен камням, скребущим о ребра. Что-то в моем мозгу проворачивается, разум туманится, и в следующее мгновение, мы все смеемся, и Тетушка Би сидит в нашем кресле, покачивая малыша на колене. Сочи наигрывает мелодию на своем ксилофоне, а Таши на кухне нарезает какой-то странный фиолетовый фрукт, который она, должно быть, купила на рынке. Я подхожу к ней, и она улыбается мне, затем кладет кусочек мякоти мне на язык. И я жую, моя челюсть побаливает, словно мне били по лицу.

- Ты точно не против, если моя тетя поживет у нас? – спрашивает она. – Пока не встанет на ноги? Она не доставит хлопот, и сможет присмотреть за ребенком, пока я работаю.

- Ну конечно я не против. Она мне нравится, - отвечаю я. – Знаешь, в ней что-то есть. Может, та мудрость, что приходит с возрастом? Думаю, она пойдет на пользу нашей семье.

РИСКОВАННЫЕ НАЧИНАНИЯ

Не все безумные ученые рождаются в роскоши. Некоторым из нас приходится зарабатывать свое состояние, и зачастую этот процесс не из приятных. Я бреду по канализационному коллектору глубоко под Десятым Районом, по колено в склизкой жиже, стараясь не обращать внимания на куски твердого мусора, то и дело отскакивающие от защитной ауры, покрывающей мою униформу. Вместо этого, я концентрируюсь на созерцании величественной архитектуры нижнего города – умопомрачительных сводов, древних колонн, и резные арки, украшенные барельефами сцен подписания Пакта Гильдий. Здесь внизу вся эта красота окутана пеленой опасности, и если бы не ядовитые испарения, полмиллиона галлонов мочи и разжиженных экскрементов, мерно текущих вниз по течению, я бы даже сказала, что здесь мило.



Wesley Burt

- Боюсь, у нас нет времени зевать по сторонам, - выкрикивает Кел'теф, и я замечаю, что отстала на несколько шагов от моего Голгарийского гида. Это самый умиротворенный тролль из всех, что я когда-либо встречала, возможно, из-за того, что он то и дело ковыряет лишай переливчатых грибов, растущий вокруг его подмышек. Спокойный, но бдительный он подгоняет меня вперед.

В жиже рядом со мной проплывает крыса. Крик подкатывает к горлу, но я давлю его, не желая показаться Кел'тефу непригодной для порученного задания. Крыса, это же почти лабораторная мышь, верно? Только у лабораторных мышей нет пены у рта и зубы поменьше. И глаза не такие злобные. И пищат они не так *чарующе*. Меня переполняет желание погладить ее, прямо по ее мохнатой морде. Моя рука тянется к ней, дрожит, еще чуточку ближе...

Цементный обломок пролетает мимо меня и со *всплеском* попадает крысе прямо в голову. Она взвизгивает в последний раз и тонет, исчезая в мутной пучине. Я вскидываю голову, выходя из транса. Что за...

- Канализационные сирены, - говорит Кел'теф, отряхивая ладони от цементной пыли. – Крайне опасны, но не нападают, пока ты сама не положишь руку им в пасть. Лучше к ним не приближаться.

- Знаешь, такая информация была бы полезна *до того*, как я взяла это задание, - говорю я, вытирая с лица брызги сточной воды.

Кел'теф смеется. – Если бы я предупредил о каждой мелочи, способной убить тебя в коллекторе, мы бы точно сейчас не разговаривали.

Я держусь поближе к gidу, пока он просвещает меня о восьми различных видах плотоядных водорослей, растущих в этих местах, и дает советы о том, как избежать электрошока от угрей. По пути я замечаю тени, притаившиеся в темных углах, за колоннами, под мостами. Возможно, знания, все же, *не* сила. Я отключаюсь от лекции Кел'тефа и погружаюсь в мечты об оборудовании, которое мне принесет выполнение этого задания – мой собственный стабилизатор электро-магической индукции. Цельно-миззиумный, с динамо-хроматическим кумулятивным куполом и контейнером двойного мгновенного инверсивно/конверсионного действия. Шедевр Иззетской изобретательности, а не это одолженное ведро, с которым я тут таскаюсь. Я смогу проводить такие аналитические задания, как это, в три раза быстрее – с легкостью находить и идентифицировать мановые следы, что позволит больше времени проводить в лаборатории.

Мы проходим сквозь ряд узких арочных сводов, обходим покрытую мхом ротонду и, наконец, достигаем нашей цели. Она массивна, и едва ли не столь же впечатляюща, как и античная двухэтажная галерея, в которую она уперлась. Это громадная плотина из коагулированного жира и твердых отходов, слипшихся вместе в единой массе, забившей собой проток воды. Один из многих жировых айсбергов - жирбергов, засоряющих коллекторы Десятого Района.

Кел'теф сцепляет пальцы обеих ладоней, опускает на уровень колен, и кивком головы предлагает мне помочь взобраться на жирберг. – После Вас!

- погоди. Ты, правда, хочешь, чтобы мы на нее влезли? – Я поправляю громоздкий контейнер на спине, пытаюсь равномерно распределить его вес.

- Ну, отсюда ты ее толком не рассмотришь. Кроме того, скоро угри начнут выплывать из своих гнезд. Они обычно не нападают на людей, но спросонья способны кому угодно хитин подпалить.

Меня больше убеждать не нужно, и я спешно запрыгиваю на жировую глыбу. Большая ее часть тверда, как камень, некоторые участки выглядят вязкими, а из пары мест сочится желеобразный жир. И по всей поверхности жирберга торчат куски поломанных или выброшенных предметов. Вся глыба слегка колыхается, вызывая приступы тошноты – хотя, откровенно говоря, я давлю позывы рвоты с первых шагов в этом коллекторе.

- Видишь ли, - говорит Кел'теф, - обычно мы засылаем парочку дрейков, которые исправно испаряют закупорки, но со временем они стали устойчивы к электрической магии. Эту бомбардировали десятки раз, но даже не поцарапали. – Он любовно пошлепывает жировой выступ. – Красавица, правда?

- Да, уж, красotka. – Мой желудок сокращается, и я пропускаю сухой позыв. Кажется, действие противотошнотных чар заканчивается. Придется ускорить осмотр глыбы.

– Я быстренько осмотрюсь и попробую отыскать мановые следы того, что может вызвать подобный эффект. Ладно?

- Не торопись, - говорит Кел'теф, располагаясь на жирберге поудобнее. Он отправляет шляпку гриба из подмышки в рот, и взбивает жировую грудь на подобие подушки. Расслабленная улыбка растекается по его лицу, и он откидывается на спину, заведя обе руки за голову.

Я отстегиваю стабилизирующий шток и открываю луженую миззумом канистру за спиной. Слышится нарастающий гул – фоновый шум остаточных следов маны, рассеянной в воздухе. Я крепко сжимаю шток и плавно вожу рецепторными кольцами вокруг себя, вбирая в них остатки маны, пока круглый стеклянный купол ни наполняется треском фиолетовых дуг электричества. Энергия нейтрализуется, и гул стихает. Я готова приступить к работе. Направляю медные рецепторные кольца штока на поверхность жирберга, и, не спеша, вожу ими из стороны в сторону. В контейнере слышится звонкий свист, указывающий на присутствие артефакта. Увы, рубленые отметины от кирки в окаменелом жиру подсказывают мне, что магический предмет давно удален, скорее всего, ассенизаторами Голгари.

Я продвигаюсь вперед. В канализационных отходах все гильдии равны. Вот я переступаю через треснувшую маску бородавочника с какого-то Груульского фестиваля, а чуть поодаль замечаю расколотый пополам лучезарный шлем Боросовского солдата. Я прохожу мимо еще одного места, где недавно находился магический объект. Судя по заунывному стону из контейнера, это был примитивный Реқдосовский артефакт, скорее всего полу сожженная кукла неверного любовника, или бессовестного соседа, одолжившего огненный жезл, и забывшего вернуть. Уж точно не то, что способно воздействовать на всю глыбу.

Но затем, шток начинает издавать странные шипящие звуки, которых прежде я от него не слышала. Шум становится тем громче, чем ближе я продвигаюсь к дальнему краю жирберга. Я оборачиваюсь в сторону Кел'тефа, тот безмятежно спит. Стоит, наверное, его разбудить и попросить провести меня дальше. Но, что бы ни заставляло мое оборудование так шипеть, оно явно довольно мощное. Древнее. Нечто такое, на что Лига Иззет не настроила распознаватель в контейнере. Это либо значит, что они еще не сталкивались с подобным явлением, либо они о нем знают, но желают держать в тайне. Оба варианта мне кажутся в равной степени заманчивыми. И весьма прибыльными.

Слушайте, я знаю, что от меня требуется – выяснить причину образования хирбергов, устойчивых к электрическому воздействию и передать полученную информацию в Голгари, чтобы они могли принять соответствующие меры. Но тут вот такая штука: помимо этого задания, на которое я трачу свое свободное время, я еще служу помощницей у Мастера Дакса Фоли, химика высшего ранга, специализирующегося на магической металлургии и практической алхимии. Я застряла на нижних

должностях в лаборатории, будучи одной из всего двух человек среди пары дюжин помощников ведалкенов, и пока провожу большую часть дня в сортировке кабельных соединителей, обезжиривании турбин и отлову случайных элементарей, вытягивающих энергию из лабораторного оборудования. При этом у меня есть идеи, и их больше, чем может уместиться в моей голове. Но пока, похоже, что у меня появится шанс продвинуться вверх лишь когда кто-нибудь умрет или уйдет на пенсию. И судя по тому, как остальные помощники поглощают омолаживающие заклинания, ни то, ни другое не случится еще очень и очень долго. Так что, если я собираюсь сделать себе имя, придется идти на риск.

Я спускаюсь в сточную воду коллектора, прохожу пару сужающихся труб, следуя за шипением контейнера. Вскоре я прихожу в тупик, вода вытекает сквозь старую, резную решетку, обрамленную древними символами и закрепленную ржавыми затворами, которые, по всей видимости, не двигались со времен, когда у Нив-Миззета еще были яичные зубы. Возвращаться, подойдя так близко к разгадке, я не собираюсь. Я снимаю предохранитель с контейнера, и поток накопленной сырой маны вырывается наружу, устремляясь к решетке. Контейнер опустошается полностью, и от натиска волшебных частиц древний металл раскаляется докрасна. Он расширяется, затворы вздрагивают, и, спустя мгновение, вываливаются в мутную воду.

Три грубых толчка, и решетка поддается. Я отставляю ее в сторону и, пригнувшись, вхожу в проход. Мерцающий свет электрических разрядов в стеклянном куполе отбрасывает танцующие тени на сводчатые стены туннеля. Гладкие камни отражают свет, но я замечаю в дали сгусток кромешной темноты, он парит над поверхностью сточных вод. Потоки магии вихрятся вокруг него, зловеще-красные с белыми проблесками. Пространственный разлом.

Я слишком поздно замечаю нескольких угрей, плывущих в мою сторону, извиваясь вокруг странных водорослей, растущих вокруг разлома. Я пчусь назад, судорожно вспоминая, что советовал делать Кел'теф во избежание электрических разрядов... здесь слишком мелко, чтобы нырнуть, и не за что зацепиться, чтобы выбраться из воды. Оставшись без вариантов, я протягиваю стабилизирующий шток перед собой. Вся поверхность воды озаряется светом. Электричество входит в рецепторы, но они рассчитаны лишь на сбор остаточных следов маны, а не на абсорбирование всей мощи направленного электрического разряда. Энергия течет вверх по штоку, и купол взрывается в мелкие осколки. Контейнер истошно вопит, я отстегиваю его и швыряю как можно дальше. Он падает в воду, и в следующую секунду, взрыв электрической магии заполняет коллектор. На одно бесконечно долгое мгновение все мое тело сводит судорогой и в глазах белеет.

Наконец, мои мысли собираются воедино. Я осматриваюсь по сторонам, онемевшая шея поворачивается с трудом, кожа дымится. Разлом в полном порядке, как и все водоросли вокруг него. Словно с ними ничего не произошло. Ни единого обугленного стебля. Близость к разлому, очевидно, сделала их невосприимчивыми к электрической магии. Тот же иммунитет, должно быть, со временем впитался и в жирберги. Я беру пару образцов водорослей, дрожа от значимости своего открытия. Больше мне никто уже не прикажет стерилизовать сварочные очки или полировать печные решетки.

Я бы солгала, если бы сказала, что не замечаю нарастающего давления в рядах Лиги Иззет в последнее время, хотя, его причины и источники мне не известны. Измагнус требует все более весомых открытий и более быстрых результатов, настолько, что химики перешли в режим

бесперывных экспериментов днем и ночью, боясь потерять свои лаборатории. Что ж, вот мое самое весомое открытие, так что я сейчас же бегу к Мастеру Даксу, и требую заслуженного повышения. И вскоре после этого, уже я буду отдавать ему приказы.

Оказалось, что не лучшие идеи формируются, когда сквозь твой мозг только что прошел разряд десятка угрей. Швыряние абсурдных ультиматумов в лицо боссу, обтекая при этом сточной водой из коллектора, с вздыбленными волосами, поседевшими на висках, и грудой поломанного оборудования стоимостью в четыреста зино, взятого без спроса из лаборатории... в общем, все это приводит к тому что, ты стоишь на ступенях Молниеотвода, с коробкой твоих рабочих пожитков в руках.

Я молча наблюдала за тем, как у меня отозвали все чары доступа, сняли с шеи бессрочный проходной амулет и отобрали рабочие перчатки. Теперь для этого здания я не более, чем голорукая посторонняя, лишенная всех протекций и полномочий, защищавших от шпионов Димир, пытавшихся выкрасть наши изобретения, и Симиковских биомантов, переманивавших наших химиков в свои лаборатории. Мастер Дакс может уволить меня и лишить звания, но он не в силах отобрать у меня мечту.

Поэтому, я основала собственную лабораторию в бойлерном подвале нашего жилого дома. Здесь довольно душно, пахнет ржавчиной и вдохновением. Большую часть необходимого оборудования я нарыла на свалках, соорудив пару самодельных мановых колец из миззиумных обрезков, расплющенных до толщины бумажного листа. И все же, они пока выдерживают напряжение, отбрасывая в потолок дуги фиолетового света. Я установила приманки для электрических элементарей, которые по слухам, мелькают здесь по ночам. Да, здесь пока нечем похвастаться, но я только начала. По-настоящему мне не хватает лишь одной последней детали.

В дверь постучали.

В той коробке с вещами с моего бывшего рабочего места я ухитрилась пронести кое-что тайком от Иззетских охранников, выставивших меня из здания – лабораторных мышей. Мертвых. Их крошечные мохнатые тушки пропитаны результатами экспериментальной магии. При надлежащем обращении, их зачастую можно оживить, от чего они высоко ценятся у ассенизаторов Голгари. Я отдала одному из них шесть свежих трупиков в обмен на то, что он подыщет для меня взрывоискателя, готового работать с магическими новообразованиями в нелегальной лаборатории за смешную зарплату. Я не жду ничего особенного, но что-то будет лучше, чем риск подорвать половину квартала, стараясь все делать самостоятельно. Снова.

Я открываю дверь. Она даже не дотягивает до уровня моих пониженных ожиданий. Миниатюрная, вряд ли сможет поднять спектральный преобразователь, даже если от этого будет зависеть ее жизнь. Но, памятуя собственный опыт постоянных отказов, я знаю, что люди способны на большее, чем кажется с первого взгляда. Я улыбаюсь. – Ты по поводу работы взрывоискателя?

- Я по поводу любой работы, если ты за нее платишь, - отвечает она с блеском в глазах. – Тамзин Суини. Назовешь меня Тамми, и у нас будут проблемы.

Прямолинейная. Она мне уже нравится. – У тебя есть опыт?

- Пять лет работала взрывоискателем при Горниле. Потом, два года в Литейном.

- Рекомендации?

- Никого, кто бы пожелал говорить с главой нелегальной лабораторией.

Справедливо. – Тогда, как насчет практического испытания? Чтобы проверить нашу совместимость?

Мы работаем три часа к ряду, собирая все компоненты для моего эксперимента. Тамзин щепетильна. Она помогает мне с гиперзарядом миззиумных колец, вращая ручку с рвением, которое я раньше видела лишь у гоблинов. Затем она с невероятной точностью расщепляет мои образцы водорослей. Я выкладываю их в неглубоких ванночках с разжиженными вакуольными пенетрантами и наблюдаю за тем, как магия разлома отделяется от целлюлозы. Тамзин даже помогает мне напитать спектральные поля электрических шаров, которые понадобятся нам для нанесения разрядов. Наконец, прогнав сыворотку через центрифугу и отфильтровав органические примеси, мы скормливаем ее мышам.

Мы даем сыворотке пять полных минут на оказание воздействия, затем Тамзин с легкостью вскидывает спектральный преобразователь и производит сгусток электрической энергии. Тот колеблется в воздухе, словно крошечная шаровая молния медового цвета. В бледных розовых глазах подопытной мыши читается тревога, и Тамзин направляет сгусток в мохнатое тельце грызуна. Мышь вспыхивает, словно огненный элементаль, так ярко, что мои защитные очки нагреваются по краям. Электричество с неистовой силой врывается в крошечное существо, которое, при этом, даже усиком не ведет. Мышь совершенно невосприимчива к электричеству.

- Даже шерсть не опалилась. Это потрясающе! Надо отнести ее на... – я замолкаю. Мы ничего не можем сделать с полученными результатами. Никто не отнесется к моему открытию серьезно без испытаний на человекообразных. И я не могу их провести без одобрения Совета.

- Что? – спрашивает Тамзин.

- Ничего, - бормочу я, прикусывая губу. Величайшее открытие моей жизни, и мне придется убрать его в стол. Я, конечно, попрошу официальное разрешение, но на это уйдет несколько месяцев. Голгари разнюхают истину гораздо раньше, и все мои мечты снова будут выброшены на помойку. Я вздыхаю и отправляюсь усыплять мышей для препарирования, не самая любимая часть работы, но со временем привыкаешь и к убийствам.

- Я сделаю, - говорит Тамзин, преграждая мне дорогу. Она прикладывает белую тряпку к горлышку бутылки с парами окаменителя, переворачивает ее, затем профессиональным движением душит мышью, так быстро, что та не успевает понять, что произошло. То, как она движется, с какой

легкостью владеет своим телом, создает впечатление, что у нее богатейший опыт лабораторных работ.

- Могу я тебя спросить, - с легкой нерешительностью говорю я, - Почему ты хочешь работать в нелегальной лаборатории? С твоими навыками...

- Мои навыки привели к гибели моего предыдущего химика. Несчастный случай, но Совет решил иначе. Они отобрали у меня все самое ценное. – Тамзин показывает свои ладони. Отсутствие на них пигмента от воздействия камней усиления, вмонтированных в рабочие перчатки, мне до боли знакомо. Мое сердце едва не распаивается навстречу ей, но я сдерживаюсь, отделяя эмоции от деловых отношений. Я не могу себе позволить нанять ее, даже за те гроши, которые я озвучивала в объявлении. Сейчас не время все усложнять.

- Что ж, спасибо, что откликнулась, - говорю я. – Я дам знать по поводу должности на следующей неделе. Мне еще нужно просмотреть пару кандидатов.

- Серьезно? После всего, что я только что сделала?

- Это было впечатляюще, не скрою, но будет справедливо дать и другим...

- Мне нужна эта работа, Лейбет. Может я и в отчаянии, но и ты тоже. Поэтому у нас и получится отличная команда. У тебя много больших идей, но тебе нужен кто-то, кто хорошо разбирается в деталях и знает, как обойти систему. Официальное одобрение – не единственный способ получить лицензию. Я знаю людей, которые знают других людей. Я могу помочь задекларировать твою лабораторию, как Нишевую Инновационную Мастерскую.

- Ты знаешь, как это сделать? Как?

- Найми меня, и я тебе расскажу. У тебя здесь что-то особенное, и я хочу быть частью этого. Прошу тебя, ты не пожалеешь.

О, я уверена, что пожалею, но нельзя размахивать лабораторной лицензией перед самопровозглашенным химиком, не рассчитывая, что тот на нее не клюнет.

- Я позабочусь о тебе, а ты обо мне, - говорит Тамзин. – Пока моя оплата будет приходить без задержек, проблем у нас не будет, верно?

- Верно, - говорю я. Лига Иззет ценит свои надзорные органы и протоколы, но правила создаются, чтобы их нарушать.

Тамзин совершила чудо. «Лаборатория Метапоточной Динамики Частиц и Фрактализации Кольцевого Поля» теперь официально признана Измагнусом. Да, название труднопроизносимое,

но Тамзин сказала, что чем больше дескрипторов я использую, тем меньше желания будет вникать в то, чем мы на самом деле здесь занимаемся.

Мой невероятный взрывоискатель входит в лабораторию и застаёт меня любующейся нашим интерьером. – Должна сказать тебе пару вещей. Ничего сложного, - говорит она. – Если кто-нибудь явится сюда и спросит Мастера Химика Бечем, скажи, что она на конференции, и вернется только через неделю. И официально у нас двенадцать помощников. Запомни их имена и задания, по которым они разошлись из лаборатории. У каждого есть биография для большей достоверности. И последнее, если тебя поймают и допросят, ты меня не знаешь, и никогда не видела.

Я смеюсь. – Тебе что, пришлось шантажировать члена Совета, чтобы пропихнуть нашу лицензию, или как?

Она не смеется в ответ.

Я продолжаю смеяться, но теперь это больше напоминает нервное хихиканье. – Но ты ведь этого не делала, верно?

- Я думала, ты серьезнее относишься к своей науке, Лейбет. – Она осматривает меня с головы до пят. Я не решаюсь и моргнуть. – Я взяла на себя смелость разместить объявление о наборе добровольцев для испытания препарата. Они ждут в зале ожидания.

- У нас есть зал ожидания? – Я выглядываю за дверь в коридор, и действительно, три гоблина и два человека сидят там, на деревянных ящиках. Я натужно улыбаюсь им и возвращаюсь в лабораторию. – Ты смогла привлечь добровольцев? Бесплатно?

- Я указала две сотни зигов в объявлении.

- Двести зигов? Каждому?

- Это сработает, Лейбет, и тогда деньги уже не будут играть роли.

Я киваю, ее уверенность меня обнадеживает. Я осторожно отмеряю и выдаю сыворотку каждому подопытному, документируя каждый шаг. Когда-нибудь историки захотят узнать подробности об открытии, которое возвысило меня от должности жалкой помощницы до звания Мастера химика.

Мы с Тамзин стоим плечом к плечу, нервно ожидая, когда подействует сыворотка. Внутри у меня все сжимается... если это сработает, нет... *когда* это сработает, я лично пойду в Совет и проведу им демонстрацию препарата.

Тамзин подходит к первому добровольцу. – Я сейчас коснусь тебя небольшим электрическим зарядом. Пожалуйста, сообщи, если почувствуешь малейший дискомфорт. - Несмотря на всю свою резкость, она прекрасно расслабляет и успокаивает добровольцев. Даже точеные черты ее лица, кажутся мягче.

Гоблинша кивает – это выглядит довольно мило, с ее длинным сгорбленным носом, яркими желтыми глазами и латунным кольцом в левом ухе. Тамзин поднимает спектральный

преобразователь, выставляет переключатель на единицу, и производит энергетический сгусток величиной с пуговицу. Она осторожно направляет его к гоблинше, которая начинает дрожать, ее зеленая кожа на глазах становится пепельно-серой. Сгусток касается ее плеча и бесследно исчезает.

- Ты что-нибудь почувствовала? – спрашивает Тамзин.

- Нет! – Воскликает гоблинша, едва ли не вскакивая со стула. Она усаживается на место, стыдливо опуская глаза. – Простите, я впервые в роли подопытной. Немного нервничаю.

- Ты отлично справляешься, - с ободряющей ухмылкой говорит Тамзин, выставляя переключатель на четверку. – Ладно, попробуем чуть большее напряжение. Помни, сообщай о любых болезненных ощущениях. – Теперь сгусток обретает форму шара размером с яйцо дрейка и бьет гоблиншу в грудь. Никакого эффекта.

- Немного щекотно, пожалуй, - кокетничает подопытная.

- Хорошо, теперь попробуем большой разряд. Уверена, что хочешь продолжить?

Гоблинша кивает снова, на этот раз с большей уверенностью. Тамзин выставляет переключатель на восьмерку, и когда крупная шаровая молния приближается к подопытной, дрожу уже я.

Разряд бьет ей прямо в голову – с силой, способной лишить ее чувств, но гоблинша сидит на стуле с улыбкой до ушей. – Я почувствовала что-то. Как щелчок по носу.

- Было больно? – спрашивает Тамзин, предлагая гоблинше кружку воды, чтобы успокоить нервы. Подопытная быстро выпивает содержимое, все еще немного дрожа.

- Ничуть. Это потрясающе. Что было в той штуке, что вы нам дали? В смысле, я знаю, что вы не можете разглашать... я сама пытаюсь устроиться помощницей. У них такая конкуренция, но я не сдаюсь!

- Уверена, скоро ты будешь по другую сторону таких испытаний, - говорит Тамзин. – Теперь, возвращаясь в зал ожидания, мы закончим с остальными добровольцами и в конце распределим оплату.

- Отлично! – Гоблинша, пошатываясь, удаляется из лаборатории.

Остальные четыре испытания проходят точно так же, полный успех. Для закрепления результата, Тамзин направляет очередь из пяти залпов в грудь последнего добровольца – никакого эффекта. Мы с Тамзин смотрим друг на друга.

- Вот оно, - говорю я. – У нас получилось!

- Получилось.

- Идеально! Только вот добровольцы за дверью... ждут оплаты. – Это будет неприятно, но я скажу, что мне понадобится несколько дней, чтобы обработать все бумаги. Подогрею инвесторов, и тогда...

- Лейбет. – Тамзин произносит мое имя так, словно я разыгравшийся ребенок. – Представь себе, что произойдет, если мы их выпустим на улицу под действием магии разлома. Ее без сомнения отследят к источнику. Ты раньше была аналитиком. Тебе не надо рассказывать, насколько они непреклонны. И куда это тогда нас приведет?

- Но что мы можем с этим поделать? Держать их всех на карантине? Как долго? – Если Лига возьмет след магии разлома, я потеряю все свое преимущество и могу попрощаться с карьерными перспективами. Затем, медленно, очень медленно я понимаю, что Тамзин изо всех сил пытается не произносить. Это все еще мой проект. Я главная. Если подобный приказ и может прозвучать, то только от меня. – Есть лишь один способ не допустить утечки о нашем открытии, - говорю я.

Тамзин кивает.

Я думаю о лабораторных мышах, которых усыпила за последние годы. Сотни. Тысячи. Поначалу было тяжело. Я ужасно себя чувствовала, но в какой-то момент, это переросло в ежедневную рутину. И все же, мы сейчас говорим не о мышах. Пять душ отделяют меня от величия. Если я это сделаю, если перешагну эту черту, возврата уже не будет. Мой мозг шепчет мне все эти кошмарные мысли, и я слушаю, затем размышляю о них, и наконец, соглашаюсь с ними... все эти мелкие шажки подготовили меня к прыжку на темную сторону. Так становятся злодеями.

Нам придется обеим удерживать их, прикладывая тряпку с ядом к их лицам. Я беру в руку бутылку с парами окаменителя. Четырех доз на каждого добровольца должно хватить. Затем я вспоминаю блеск в глазах той болтливой гоблинши, ее мечты и стремления... – Тамзин, прости, я не знаю, смогу ли.

Она выглядит разочарованной, но не удивленной. – Не волнуйся. Тебе ничего не нужно делать. Я уже дала им всем сверх концентрированную дозу сонного эликсира с легкой примесью смертельного катализатора. – Тамзин аккуратно берет пять пустых кружек и отправляет их в мусорное ведро. – Они умерли безболезненно, мирно. Мы же не законченные чудовища.

Я совершенно не готова к тому, каким ледяным ощущается мое сердце в жарком, удушливом воздухе бойлерного подвала.

Не знаю, во что я впуталась, но знаю, как из этого выбраться. Все, что мне нужно это две тысячи зигов, чтобы расплатиться с Тамзин, потом я закрою лабораторию, закажу магу разума очистку памяти, и продолжу жить своей жизнью. Мои возможности ограничены, и времени мало, но есть способ быстро подзаработать. Я выискиваю объявления о наборе добровольцев для опытов в Горниле, отбирая самые высокооплачиваемые. Записываюсь на столько, сколько могу, и надеюсь на лучшее. Первая пара проходит без задоринки – двадцать инъекций в позвоночник почти не

болят, а тот небольшой взрыв при смешении магии огня и воды... мне все-равно не нужны были все ресницы.

Третий эксперимент приводит меня в сердце Синдиката Симик. Сказать, что меня одолевают сомнения – ничего не сказать. Одно дело раздвигать границы стихийных наук, но заигрывание с биоинженерией меня настораживает. Это опасно. Противоестественно. Тем не менее, Симиковские биоманты платят подопытным втрое больше, чем Иззетские химики, поэтому я гашу свои опасения, представляя семь сотен зигов, которые скоро зазвенят у меня в кармане.

От их лабораторий у меня мурашки по коже, огромные колбы с сине-зеленой жидкостью, в каждой из которых шевелятся жуткие силуэты с большим количеством рук и ног, чем позволено иметь любому живому существу. Количество бумаг, которые они заставили меня заполнить, обескураживает – полная история болезней, психиатрический профиль, и отказ от обязательств, с контактными данными моего шамана на экстренный случай, а также описание ритуала похорон, если произойдет наихудшее. Я уже добралась до предпоследней страницы последней анкеты, и тут упираюсь в камень преткновения:

Были ли вы подвержены каким-либо регенерирующим или облучающим заклинаниям за последние семь дней?

Моя рука дрожит, но я отмечаю «нет», несмотря на то, что принимала по дозе каждого на экспериментах этим утром. Я не могу себе позволить упустить этот шанс. Они проводят тест, подключают меня к полудюжине трубок и шлангов, вливая свои таинственные препараты в мои вены. У меня сразу начинает кружиться голова.

- Все в порядке? Вы можете продолжать? – Спрашивает меня ведущий биомант. Он человек, но по всей поверхности его кожи поблескивает чешуя. Его лишённые век глаза такие же черные и непроницаемые, каким был тот пространственный разлом, и я боюсь, что могу провалиться в них.

Я сглатываю нарастающее волнение и киваю. Каждый волосок на моих руках начинает чесаться, под воздействием симиковской магии, выворачивающей меня наизнанку. Я ощущаю резкую колющую боль в костях, и внезапно мои зубы перестраиваются, становясь крупнее и острее, подобно полному рту клыков. Спина изгибается, увеличивается в размерах, каждый позвонок вытягивается, прорываясь наружу заостренными шипами, и теплый коричневый оттенок моей кожи сменяется пепельно-серым, сама кожа становится грубой и заскорузлой. Я таращусь на свои руки, с ужасом наблюдая, как из пальцев вырастают серебристо-синие когти.

- Что-то определенно не так, - произносит биомант. – Вы уверены, что не подвергались недавно воздействию регенерирующих заклинаний?

Я пытаюсь ему ответить, признать, что, *возможно*, подвергалась, но изо рта брызжет столько пены, что я не в силах произнести ни слова.

Растерянная и объятая паникой, я срываю трубки с рук. Биомант пытается меня усмирить, но я рассекаю когтями его лабораторный халат и чешуйчатую кожу под ним, после чего со всех ног бегу прочь. Я мчусь по коридору, сотни распухших лиц таращатся на меня из заполненных жидкостью культивационных цистерн. Коридор приводит меня в атриум с огромным зеркальным

бассейном, отражающий вокруг меня мириады мерцающих отблесков. Я чувствую, словно тону. Пробиваюсь к выходу и жадно глотаю уличный воздух, не останавливаясь ни на секунду. Есть лишь одно место, достойное такого чудовищного уродства, как я. Канализационный коллектор.

Я укрываюсь в густой тени опоры моста, наполовину в воде, наполовину лишенная рассудка. Я такая жуткая, что даже канализационные сирены сторонятся меня. Мне кажется, это конец, что моя жизнь уже не может стать хуже, и в этот момент из-за угла появляется Тамзин со спектральным преобразователем в руках, освещая подземелье сгустком энергии. Тени рассеиваются, обнажая меня.

- Лейбет, - говорит Тамзин.

- Тамзин, - откликаюсь я. – Я все еще должна тебе за работу, но если ты дашь мне еще немного времени, я смогу...

- Ты же знаешь, что деньги здесь не при чем.

Ну да, есть такое чувство. – Когда ты мне рассказала о том, что случайно убила своего химика... это была ложь, верно?

- Ты меня поймала.

- Ты убила его намеренно?

- Не было никакого химика, Лейбет. Я никогда не была взрывоискателем. – Что-то чужеродное шевелится под ее кожей, и мои прежние мысли о том, как умело она владеет своим телом, мгновенно испаряются. – Я никогда не работала ни при Горниле, ни в Литейном. Слишком много защиты и мер безопасности. Но в маленькие лаборатории, такие, как твоя, проникнуть легко, и если верно рассчитать время, можно отловить гения на подъеме...

- Ты, правда, считаешь меня гением? – Говорю я, затем стряхиваю лезть своему эго и концентрируюсь на том, что сейчас важно. – Ты оборотень? – И, наконец, до меня доходит. – Шпионка Димир.

- Воплоти, - говорит Тамзин. Ее кожа вновь шевелится. – Ну, или около того.

Проклятье. И она так хорошо со всем справлялась в лаборатории. Действительно знала свое дело. Я делаю глубокий вдох. – Слушай, когда ты сказала «гений», ты это в буквальном смысле, или... - но прежде чем я успеваю закончить мысль, я мельком замечаю что-то, стремительно приближающееся к нам – крылья, хлопающие, как пруса на штормовом ветру, желтые глаза горят огнем. Электрический дрейк, высланный сюда для разрушения жировых глыб, летит прямо на нас. Молнии трещат в его дыхании, и я замечаю, что он делает глубокий вдох. – Дрейк! – Кричу я.

- Ты действительно думаешь, что я на это куплюсь? – говорит Тамзин. Направленный на меня электрический заряд в преобразователе издает низкий, угрожающий звук.

У меня нет времени на страх. Мои мысли вертятся вокруг правил безопасности при столкновении с электричеством, кратко изложенные моим гидом по коллектору: *Коль есть куды – вылазь из воды. А коли некуда – сойдет и вода.* Я ныряю, задерживаю дыхание и надеюсь на лучшее.

Электричество непредсказуемо, неразборчиво, настоящий прирожденный убийца. Оно проходит сквозь сточную воду коллектора, проходит сквозь меня. Все мое тело сжимается так сильно, что мне кажется, я вот-вот тресну пополам. Наконец, когда спазм проходит, меня охватывает дикая жажда, и я едва сдерживаюсь, чтобы не начать глотать канализационную воду. Сердце в порядке, мозг по большей части тоже, но я не путаю удачу ни с состраданием, ни с жалостью. Я вновь чувствую удар, на этот раз кулаком в живот. Под ударами «Тамзин» последние остатки воздуха вырываются из моих легких. Пузыри устремляются на поверхность, и я пытаюсь последовать за ними, но оборотень крепко держит меня, толкая назад. Я отчаянно царапаюсь, сопротивляюсь и в итоге выскакиваю из воды. Она таранит меня лбом в подбородок, и пока я прихожу в себя, производит еще один энергетический сгусток.

- Жаль терять такой разум, но теперь твоя сыворотка - открытие Димир. Прощай, Лейбет.

Не знаю почему, но потеря прав на открытие пугает меня больше, чем потеря жизни. Я смотрю на свои когти – острые, устрашающие. Я не берсеркер, и до сего дня, во мне не было ни капли дикости, но это не значит, что я сдамся без боя. Я бросаюсь на Тамзин, целясь когтями в лицо. Она уклоняется и выпускает электрический заряд мне в живот. Я складываюсь пополам от глубокой пульсирующей судороги, от которой у меня белеет в глазах. Я преодолеваю боль и бью еще раз почти вслепую. На этот раз когти задевают ее кожу, начертив полосу из бледно-зеленой крови. Рана не глубокая и почти мгновенно затягивается. Она переключает преобразователь на два щелчка после максимума и производит гигантскую электрическую сферу, медленно плывущую в мою сторону.

Моя тактика не работает. Я ученый, а не боец. Если я собираюсь одолеть ее, то лишь с помощью ума. Я пячусь назад и чувствую под ногами знакомое чавканье - путь к отступлению преграждает жирберг. У меня нет выбора, я разворачиваюсь, вонзаю когти в затвердевший жир и запрыгиваю на его поверхность. Я совершенно открыта, но здесь я двигаюсь быстрее, и успеваю увернуться от следующего залпа.

Тамзин тоже пытается влезть на жирберг, но я расшатываю желеобразную глыбу, затрудняя ее подъем. Она соскальзывает и скрывается под водой. Я пытаюсь сбежать, но спотыкаюсь о старый сварочный конденсатор. Он тяжелый, из толстого стекла. Я быстро осматриваюсь, удивляясь тому, что ассенизаторы еще не добрались до этой глыбы. Среди обычного мусора я замечаю несколько предметов, которые, при должной смекалке и изобретательности, вполне могли бы оказаться полезными. Я вновь смотрю на сварочный конденсатор. Внутри совсем немного припоя, но сама емкость может сойти за кумулятивный купол. Если мне удастся найти достаточно деталей, я смогла бы соорудить самодельный стабилизатор, способный абсорбировать электрические разряды Тамзин.

Ее голова появляется на поверхности сточной реки, и она тут же швыряет в меня энергетический шар. Он задевает правую лодыжку, которая тут же немеет и сжимается в судороге. Я едва удерживаюсь на ногах и замахиваюсь стеклянным компенсатором, словно собираюсь бросить его ей в голову, и Тамзин вновь ныряет в мутную воду. У меня совсем мало времени. Второй раз она на это не купится.

Волоча ногу, я подхрамываю к старому трезубцу, торчащему из глыбы. Древко расколото, инкрустированные магические камни выковыряны, но я все еще чувствую потрескивание чар, впитавшихся в его сердцевину. Из него выйдет превосходный шток для моего стабилизатора. Два треснувших мановых кольца послужат рецепторами. Сомневаюсь, то кто-либо делал подобное, но мне приходится иметь дело с тем, что есть. Припой старый, поэтому я возвращаю его к жизни простеньким размягчающим заклинанием. Наконец, он сползает и соединяет купол с трезубцем, и как только последняя его капля сползает к мановым кольцам, я поднимаю голову и вижу Тамзин, уже взобравшуюся на жирберг. Я угрожающе направляю на нее шток, но мой стабилизатор еще не готов.

Я указываю ей за спину, и мои глаза округляются. – Опять этот дрейк!

Я падаю плашмя на живот, как всех учили в детстве, чтобы минимизировать шанс удара молнией, если в поле зрения появляется электрический дрейк. Тамзин оборачивается, всматриваясь в темноту, и в этот момент я вскакиваю на ноги, широко размахиваюсь стабилизатором, и, вложив в инерцию удара вес всего тела, бью ее куполом в челюсть. Она проворачивается раз, второй, и падает лицом в сточную воду. Отличный удар. Человека бы вырубил, но насчет оборотня я не уверена.

У настоящего стабилизатора должен быть контейнер для сохранения и накапливания заряда, но я точно не смогу смастерить нечто настолько сложное из подручного хлама. Но если принцип микрофрактальных усилений и допусков Уортуитта-Изли справедлив и для неидеальных условий, возможно у меня есть шанс, если я смогу найти что-то для перенаправления потока энергии. Мой взгляд падает на подходящий кусок мусора, торчащий из груды желеобразного жира. Я подхожу ближе и выворачиваю его наружу. Это крышка старого бойлерного бака – ржавая снаружи, но с внутренней стороны луженая миззиумом. Слой настолько тонкий, что сдирать его не имеет никакого смысла. Годы полировки печных решеток наконец-то приносят пользу, и в считанные секунды миззиум блестит чудесной вогнутой поверхностью, готовой отражать мановые потоки.

Тамзин застаёт меня врасплох, появляясь из-за дальнего края жировой глыбы. У меня нет времени на присоединение крышки, поэтому я просто заслоняюсь ею, и следующий залп встречаю уже собранным самодельным стабилизатором. Электричество вливается в рецепторы, скользит по штоку, и в конечном итоге завихряется в ложбине крышки. На короткое мгновение мы обе стоим, ошеломленные тем, что это на самом деле сработало. Тамзин быстро выходит из ступора и в ярости бросается ко мне, на ходу готовая следующий энергетический залп. Но прежде чем пойманный мною заряд успевает раствориться, я метаю его в нее, и сгусток молний летит, подобно камню из пращи, попадая Тамзин в грудь.

Все ее тело вспыхивает ярким светом. Столкновение отбрасывает ее в одну сторону, крышку в другую. Я моргаю, стряхивая с роговицы горящий силуэт Тамзин, и вижу, как мой истинный враг изо всех сил пытается подняться на ноги. Но прежде, чем у нее это получается, я давлю коленом

ей на спину, и тяну за волосы вверх. Дикое чудовище во мне требует мести, но когда я смотрю на свои руки, то вижу, что кожа снова разгладилась, а ногти вернулись в свое аккуратное состояние. Я понимаю, что жуткие эффекты от экспериментов выветрились. Я вернулась в свое нормальное состояние... но я все же чувствую себя *измененной*, и точно не могу винить в этом лишь магию Симиков.

- Это мое открытие, - шиплю я ей. – Я не отдам его в лапы Димир.

- Я никому не расскажу, клянусь, - умоляет она.

- Конечно, не расскажешь, Тамзин, - говорю я ей, и становлюсь подобной молнии – сильной, непредсказуемой, беспощадной – всем тем, что делает ее столь прекрасной и смертоносной. Как и в случае с мышами, решение убить на этот раз дается легче, и когда слышится треск позвоночника Тамзин, я утешаюсь тем, что ее смерть была не мучительной. Я отхожу на шаг и рассматриваю ее труп, заклинания, удерживавшие человеческий облик Тамзин, тают на глазах. Тело остается лежать на жировой глыбе – настоящем сокровище для ассенизатора, который со временем на него наткнется. Я собираю все, что осталось от самодельного стабилизатора, чтобы отнести его в лабораторию. Немного подлатаю, и у меня будет *два* открытия для представления перед Советом, а если они не воспримут мои находки...

Дикий зверь шевелится под моей кожей. Вместе, мы с ним станем отличной командой.

КЛАНЫ И ЛЕГИОНЫ

- Приветствую и поздравляю, Воджек Уеслин, - говорит мне мой босс, неприкрыто пылая от гордости. Я прослужил под началом помощника руководителя по военному развитию, Сержанта Скормака последние тринадцать лет в 4-м Крыле ДомаСолнца, но мы едва ли общались лицом к лицу. Он протягивает руку, и я давлу в себе желание сбежать. Говорят, существует два типа людей в рядах Легиона Борос: те, которые стекаются к огневикам, и те, кто бежит от них. Я определенно отношусь ко второй категории, но все равно жму боссу руку. Несмотря на защиту его зачарованных перчаток, я отчетливо чувствую жар пышущего под ними пламени.



Wesley Burt

- Польщен, - говорю я. – Не сомневаюсь, что твои яркие рекомендации сыграли немаловажную роль в моем повышении.

Сержант Скормак улыбается и качает головой, переливаясь золотисто-алыми языками пламени. – Мои слова лишь констатировали истину. Ты все сделал сам. Прошел все испытания. Ты заслужил эту честь.

Он кладет небольшую коробку с конвертом на мой стол. – Мне будет не хватать твоей продуктивности, когда ты перейдешь в Крыло Воджеков, - говорит он. Его лишенный дыхания голос дрожит, подобно мерцанию свечи. – Но я знаю, мы все здесь будем гордиться тобой.

Теперь уже горю я, по крайней мере, фигурально. Я первый из коллег, кого повысили до звания Воджека за последние восемь лет. Конечно, мы все претворяемся, что все честно и объективно, и если работать с честью и достоинством, то тебя со временем непременно заметят, но в

реальности, 4-е Крыло, это место, куда Легион Борос ссылает свои отбросы – быстрых клинков, вломившихся не в тот лагерь, небесных рыцарей, у которых развился страх высоты, огневигов с настолько горячими головами, что они выгорали до завершения сражения, и минотавров, как я, которым просто не повезло родиться с плохой родословной. Есть некая ирония в том, что это крыло раньше было складом. Прекрасное место для хранения всех тех, о ком Легион предпочел бы забыть.

Мои пальцы дрожат, когда я открываю коробку. Я едва могу заставить себя взглянуть на то, что я думаю, и *надеюсь*, лежит внутри. Крышка сползает в сторону, и я замечаю красный отблеск. Сердце сжимается, и каждый волосок моей шерсти встает дыбом, я не в силах отвести глаз от коробки, закусив губу, чтобы не разреветься на груди Сержанта Скормака, загасив бычьими слезами его пламя. Я усмиряю эмоции, с гордостью расправляю грудь, затем вынимаю из коробки красный шнурок и повязываю его вокруг шеи и под руку. Моя первая акколада. На шнур прицеплен медный жетон с напечатанной по кайме надписью «Воджек Борос». Мне доверили хранить мир в наших землях, сражаться с несправедливостью, и стремиться к чести и праведности.

- Тебе идет, - говорит Сержант Скормак. – Похоже, солнце, действительно озаряет твой род.

- Похоже, - соглашаюсь я, поднимая конверт.

Сержант прокашливается. – Это для личного прочтения. Удачи, Воджек Уеслин.

От этого звания по спине бежит холодок. А может, от резкого падения температуры после того, как удалился мой босс. Я рассматриваю письмо. Мое имя напечатано на конверте золотыми буквами. Я завожу ноготь под сгиб и раскрываю его. Внутри карточка с приглашением.

Сим информируем Вас о том,
что Ваше присутствие требуется сегодня вечером, на закате
на Солярной террасе ДомаСолнца
на приеме в честь новых рекрутов в ряды Воджеков.

Будут поданы легкие закуски.
Форма одежды – официальные мантии с поясами.

*“Война под началом несправедливого разума погибает в траншеях. Война под эгидой
доблестного сердца живет вечно среди руин и костей ваших врагов».*
—Клаттик, Легионер Борос

Я рассматриваю письмо. В смысле, по-настоящему, всматриваюсь в него. Первое, что бросается в глаза – напечатанный символ Легиона Борос... кулак на фоне лучей солнца, но с ним что-то не так. И тут я понимаю, что это кулак правой руки, а не левой, как должно быть. И вокруг него десять лучей, а не девять. Мой мозг тут же воспроизводит экзамен по контрразведке, который я сдавал месяц назад. Там было похожее задание, нужно было находить завуалированные послания посреди обыденности. Мы искали скрытые коды Димир – последовательность зашторенных окон в башне жилого дома, повернутые канализационные люки, служащие указателями, все в таком роде. Я обнаружил восемь посланий, больше всех в отряде. И с тех пор я постоянно на чеку, выискиваю знаки и сигналы, такие как тот, что у меня сейчас в руках.

Никакое это не приглашение. Это инструкция к моему первому заданию в должности Воджека, агента контрразведки. И я должен ее расшифровать.

Я тщательно рассматриваю каждое слово, каждую букву. Я поворачиваю письмо боком, прищуриваюсь и оцениваю промежутки между строками. История начинает принимать очертания – место встречи с информатором... это как игра. Я играю со словами: Будут поданы легкие закуски. Любимые закуски солдат – мясо на гриле. Груул. И если это действительно цитата Клаттика, то я ее никогда прежде не слышал. Траншеи. Руины. Стало быть, место встречи, скорее всего – бункер у Груульского Кольца Руин.

Все начинает становиться на свои...

- Ууу, вечеринка на Солярной террасе. Можно быть твоей плюс-один? – говорит Аресаан, заглядывая мне через плечо. Я сминаю приглашение, прячу его в кулаке, и перед тем, как повернуться и предстать перед своей заклятой соперницей по работе, Я делаю долгий выдох. Сколько бы раз мне не приходилось видеть копии Разии, от них всегда перехватывает дыхание. Я не предоставлю ей это удовольствие.

- Не знаю, о чем ты, - говорю я, подыскивая правильные слова, делая вид, что от ее сияющих красных локонов у меня вовсе не кружится голова. Это письмо предназначено лишь для моих глаз. - Первый день в Воджековской контрразведке, и я уже подверг риску все задание. – Нет никакой вечеринки.

Она приподнимает бровь. – Как скажешь, Оссетт. Просто хотела поздравить тебя с повышением. Это серьезное достижение для кого-то со столь слабыми убеждениями.

Мои ноздри раздуваются. Она здесь самая большая неудачница, бывшая Предводительница, чье неверное решение на поле боя привело к гибели пятнадцати тысяч солдат Борос около тридцати лет назад. В наказание, ей сковали крылья, лишили практически всех чар, не считая пары ободряющих заклинаний, помогающих ей с набором новобранцев. Даже спустя три десятилетия в изгнании, она все еще кичится своим непримиримым высокомерием и навязчивостью, типичными для ангелов, но на самом деле она ни чем не лучше остальных местных неудачников.

- С моими убеждениями все в порядке, - говорю я, наклонив голову, направляя рога в ее сторону. – Я это заслужил. Если у тебя проблемы с моим повышением, советую тебе с ними смириться.

Я рос в постоянной тревоге. Отец постоянно уходил на очередное сражение, и наша семья переживала за его жизнь на передовой, а, когда он возвращался - за собственную безопасность. Он наблюдал за тем, как год за годом его Ордруунские собратья получали повышения, а он оставался на месте. Возможно, те минотавры этого заслуживали больше него, я не знаю. Но я помню, как его характер становился все хуже с каждым возвращением домой, и мне сложно сосчитать сколько раз они с матерью сталкивались лбами, скрежетали рогами и пробивали

копытами дыры в деревянном полу, а иногда и стенах нашего дома. Как только они начинали орать, я запирался в своей комнате, перевязывал грудь алыми лентами сестры и представлял себя офицером Воджеков, призванным сохранять миропорядок. Воджековская контрразведка должна быть бдительна и проникательна. Я внимательно выискивал скрытые знаки в разводах воды на потолке, в пыли, собранной в стыках половых досок, в те редкие мгновения тишины, когда мои родители, наконец, прекращали скандалить. Со временем, я поднаторел в обнаружении вещей, желавших остаться незамеченными.

И вот теперь я на своем первом задании стою на задворках Десятого Района в поиске информации, способной сохранить мир и спокойствие в столице. Груульский кочевой лагерь постепенно обосновался в этих таинственных местах, и в воздухе отчетливо чувствуется напряжение. По слухам, эти земли служили драконьим экспериментальным полигоном около десяти тысяч лет назад, и что здешняя почва удобрена распавшимися драконьими костями. Поговаривают, что эти кости не полностью, не окончательно, не на сто процентов мертвы.

Работать в таком месте без Боросовских доспехов опасно, но и скрытность здесь также немаловажна. Я накинул красно-серый плащ, практически сливающийся с местной грязью. Благодаря ли драконьим костям, или нет, эта грязь проникает всюду, отчего все тело чешется, но она не единственное, что меня нервирует. Присутствие Груулов не заметить нельзя. Они жаждут разрушить все, что мы с таким трудом создаем. Их дети похожи на диких животных, кожа да кости, едва прикрытые лохмотьями. Пьяный огр спотыкается, падает и крушит под собой повозку с благовониями. Я пытаюсь отыскать в них хоть какие-то подкупающие черты, но тщетно. Руки чешутся от желания начать раздавать предупреждения о нарушениях, но я сохраняю хладнокровие и фокусируюсь на поиске информатора.

На рынке я замечаю, как Груульская девочка крадет с лотка дыню. Торговец, дряхлый вяжино, при всем желании неспособный за ней угнаться, кричит ей вслед. Воровка пробегает передо мной, и я машинально хватаю ее за руку. Я держу ее крепко, и она смотрит на меня глазами, загнанного в ловушку дикого поросенка.

- Ты не должна красть, - упрекаю ее я. – Ты позоришь свой город. Свою семью. Саму себя. – Я стараюсь разозлиться на нее, но ее рука такая тонкая, что мне кажется, она вот-вот хрустнет в моих пальцах. Я ослабляю хватку. Она рычит на меня, оскалив зубы. И, фу, как же от нее воняет. Но что-то туманит мои мысли, и я не нахожу в себе сил отобрать у нее краденую дыню.

Я вздыхаю и отпускаю ребенка. Она фыркает в мою сторону и убегает, крепко сжимая добычу, затравленно оглядываясь по сторонам. Я вынимаю пару зигов из кошелька и плачу торговцу.

Он улыбается мне, и мельком смачивает длинным языком свои дряхлые веки. – Знаешь, как говорят, - кричит он, - сразись с Груулом, и обретешь проблему на день. Покорми Груула, и обретешь проблему на всю жизнь.

Я киваю. К счастью, я здесь всего на один вечер, и девочка больше не доставит мне хлопот. Я иду дальше и вскоре нахожу бункер, скрытый под зарослями плюща и дикого углеграда, медленно разъедающего фасад постройки. Это место выглядит совершенно заброшенным и забытым всеми, если не считать снующих повсюду детенышей гидры, величиной с мою ладонь. Несколько голов одной из них плюют в мою сторону. Я отхожу в сторону, но несколько капель пенной слюны все

же попадает на ботинки. Кислота не способна разесть их насквозь, но на темной коричневой коже появляются светлые пятна. Протокол требует немедленно докладывать присутствие гидр, но они никуда отсюда не денутся, в отличие от моего информатора.

Я вхожу в бункер. Тяжелая металлическая дверь скрипит, закрываясь за мной, и я вдыхаю холодный, затхлый воздух. Здесь темно, и глаза не сразу отвыкают от внешнего света. Наконец, я различаю перед собой ступени, и спускаюсь по ним, держась за шаткие перила. Лестничный колодец открывается в широкое помещение с утопанным земляным полом. Несколько промышленных столов и стульев расставлены у стен, по углам громоздятся груды матрасов, а некогда наполненные запасами стеллажи зияют пустотой.

Осунувшийся человек, выглядящий гораздо старше и изможденнее своих лет, сидит за одним из столов с разложенной перед ним шестигранной доской для игры в «Кланы и Легионы». К моему горлу подкатывает ком. Отец научил меня играть в нее, когда в первый раз вернулся из боя. Сражение ожесточило его, но он все еще тогда проявлял заботу и старался меня воспитывать. Это был хороший повод для нас побыть вместе, сидеть рядом без лишних слов.

- У тебя есть информация для меня? – Я произношу эти слова так, словно репетировал их всю свою жизнь. Не могу поверить, что этот парень сидит передо мной. А значит, я сумел расшифровать тайное послание и отыскал его, и все это не было плодом разыгравшейся фантазии.

- Есть, - говорит он, изможденность четко слышна в его хриплом голосе. – Но сначала, давай сыграем.

- Боюсь, я давно не практиковался. – Я подхожу ближе, сохраняя спокойствие. Я не могу позволить себе его спугнуть. Я опускаюсь на стул напротив него и всматриваюсь в черты его лица. Здесь темно, но я различаю участки выбеленной кожи на шее и у висков, похожие на шрамы. Любопытно. Воджековские медики не редко подрабатывали на стороне, вытравливанием татуировок у Груульских дезертиров, и их заклинания, растворяющие зачарованные чернила, зачастую бывали жестче и болезненнее тех, которыми эти чернила были изначально нанесены. Теперь у меня было большее представление о том, с кем я имею дело.

Черные фигуры расставлены передо мной, и я делаю первый ход.

Он вертит пальцем, и одна из его фигурок солдат скользит по игровому полю. Выходит, он маг? Помимо простых наблюдений, многое можно узнать о человеке, просто по манере его игры в «Кланы и Легионы». В первый раз, когда я победил отца – по-настоящему победил, без поддавок – он очень мною гордился. В следующий раз он в сердцах перевернул доску. Моя рука слегка трясется, и я поднимаю фигурку клирика. Надежный, хоть и предсказуемый ход.

- У тебя есть имя, по которому я мог бы к тебе обращаться? – спрашиваю я.

- Брейзер, если угодно, Воджек Уеслин.

- Зови меня Оссетт. – Я сокращаю расстояние между нами, выстраивая базовое доверие. Смотрю, как он толкает своего ангела вперед взмахом пальца, оставляя его совершенно открытым. Приманка? Мне так натерпится узнать, что у него за информация для меня, но еще не время. Я

игнорирую дерзость его хода и отвечаю небесным рыцарем. Совершенно обыденный, скучный ход. – Часто играешь в «Кланы и Легионы»? – спрашиваю я. – Я в юности участвовал в чемпионате Лиги.

- Там, где я рос, таких игр не было.

- Жаль. Всем детям было бы полезно почерпнуть немного дисциплины из этой игры. – Я понимаю, что сказал что-то не то, заметив, как он брезгливо поморщил верхнюю губу, и отступаю. – Но, знаешь, есть не малая красота и в ее хаотичности. Отец, как-то раз сказал мне, что у сорока-ходовой партии комбинаций больше, чем волос на каждом живом существе в Равнике.

- Правда? – говорит Брейзер, приподнимая бровь. – Никогда об этом не думал.

- Я выдвигаю вперед и жертвую своего ангела. Я вполне смогу играть дальше и без него, но это уже будет лишь вопрос времени, когда он аннулирует всю мою армию. Брейзер выбивает моего ангела одним из своих солдат, но не забирает фигурку в свое кладбище. Вместо этого он смотрит на меня, и от боли в его изможденных глазах, у меня по спине пробегают мурашки. Он готов говорить.

- Что ты мне хотел сказать, Брейзер? – спрашиваю я. – Я слушаю, и сохраню все, что ты скажешь в строжайшем секрете.

- В рядах Легиона Борос есть шпион.

- Ладно. Можешь сказать, кто?

Он кивает. – Но сначала, я хочу, чтобы из ВратВойны выпустили узницу. Освободи ее, и я предоставлю тебе эту информацию на рынке, завтра на закате. – Он передает мне записку с именем. Баас Совар. Я о ней никогда не слышал, она точно не из числа наших известных политических заключенных.

- Я хочу тебе помочь, Брейзер, но такие вещи занимают время. Существует формальная процедура. Нужно подать заявления, подождать их рассмотрения.

- Знаешь, сколько существует комбинаций трех-ходовой партии в «Кланах и Легионах»? – спрашивает Брейзер.

Я киваю. Это известно всем. – Одна. «Ошибка Разии». Но чтобы ее провернуть твой оппонент должен практически быть с тобой в сговоре.

- Мммм-хммм. Взятка. Шантаж. Услуги. Ты игрок, Оссетт, но это уже не игра.

Я держу голову неподвижно, потому что все мое естество хочет покачать ею. В преступлении закона нет чести. Но предатель в Легионе Борос может оказаться бóльшим злом, особенно теперь, когда напряжение чувствуется в самом воздухе. В Легионе мы всё видим белым или черным. Мы не рассматриваем оттенки серого: мы лишаем человека свободы за преступления, которые он еще не совершил, мы готовы пожертвовать жизнью солдата ради укрепления мира в

Равнике, мы караем голодающего ребенка за кражу еды. В этом наша сила, но при том и наибольшая уязвимость.

- Я посмотрю, что смогу сделать.

Я работаю допоздна, готовя формы освобождения заключенного. Баас Солвар, арестованная в ходе подавления восстания Груулов. Ранее осуждена не была. Скорее всего, оказалась не в том месте, не в то время. Простое дело. Все, что потребовалось – небольшая взятка ассистентке сержанта Скормака, которая сунет форму по освобождению в пачку бумаг на подпись. Уверен, мой прежний босс возражать не станет. Он сам говорил, как сильно он хотел моего повышения, чтобы я дал ему повод для гордости. Скормак торчит в 4-м крыле не меньше меня, и понимает, сколько усилий требуется, чтобы отсюда выбраться. Первым же делом сутра я лично отнесу подписанное заявление в Тюремный лагерь ВратаВойны, сэкономив еще пару дней бюрократических проволочек, и к обеду Баас Солвар будет свободна...

Мой взгляд прилипает к форме освобождения. Что-то ускользает от меня, какая-то не хорошая деталь. Я пытаюсь ее игнорировать. Стараюсь пропустить ее, так же, как пропустили те, кто оформлял ее задержание. Но, похоже, детали, которые я пытаюсь не замечать, сами собой бросаются мне в глаза. Баас Солвар не полное имя заключенной. Она Баас Солвар Рэдли. Скорее всего, родственница Гована Рэдли, рейдера Кольца Руин, вызвавшего заклинание массового хаоса на улице Жестянщиков. Торговцев захлестнула неожиданная ярость и растерянность, они набросились друг на друга, еда и товары превратились в оружие. Двадцать четыре убитых. Сто семьдесят шесть раненых. Я засовываю лист бумаги за другие, но не могу его развидеть. Сердце колотится. Что больше угрожает миру? Некто известный нам, пытающийся нападать на нас с улиц, или же кто-то неизвестный в наших рядах, разрушающий нас изнутри?

- Работаешь в ночь, Воджек? – говорит Аресаан, кладя руку мне на плечо. – Всегда можно рассчитывать на минотавра, если нужно поработать вдвое дольше, и вполсилы, верно?

- Во имя Таджика, - вскипаю я, стряхивая ее руку с плеча. – Разве у тебя нет каких-нибудь потенциальных рекрутов, чтобы практиковать на них свои «умения»? Я снова опустошаю легкие, уже практически инстинктивно, затем встречаю ее взгляд. Это все равно, что смотреть на солнце, и не обращать внимания, что твои глаза плавятся. Ее поза агрессивна, руки скрещены на груди. Губы сжаты. Жаль, что так будет не долго.

- Чтоб ты знал, я сегодня подписала двадцать семь идиотов, готовых залить собственной кровью любое поле боя.

- Впечатляет. Слушай, а ты новобранцев вербуешь по отработанному сценарию, или это экспромт *на лету*? – я ухмыляюсь, наблюдая за тем, как высокомерие спадает с черт Арессан, и неожиданно, она пытается шевелить крыльями, крепко скованными и обмотанными заточенной проволокой. Не очень-то комфортно. Я вздыхаю. Она этого не заслужила. Или, может, и заслужила, но я должен следовать праведному пути. – Прощу тебя, уходи. Я кое над чем работаю.

- Над чем-то важным?

- Над чем-то, что тебя не касается. Я начинаю понимать, почему тебя изгнали из Парэлиона.

- Ого, полегче, - говорит она, поднимая руки. – Это не изгнание... просто перераспределение. И пятьдесят лет для ангела - мгновение. Я тут бездельничаю и жду, пока кто-нибудь еще облагается круче меня, а судя по тому, как Аурелия ведет дела - это лишь вопрос времени. А ты будешь возиться с Воджеками, в попытках сделать себе имя, но со временем, все увидят, что ты самозванец, и задумаются, почему они вообще тебя повысили. И пяти лет не пройдет, как ты снова будешь здесь, гарантирую.

- Ты ни черта не знаешь о моих способностях.

- Следи за языком, Воджек! – С укоризненной ухмылкой отчитывает она меня. – В грязных словах нет чести.

- Отвали, Арессан. – Я отворачиваюсь от нее, и вскоре она сдается и удаляется прочь. Я смотрю на папку с документами. Теперь она кажется мне тяжелее. Что будет с моей карьерой, если я не смогу выполнить первое задание? Это ведь не сложно. Даже не придется лгать. Мне просто нужно проигнорировать правду.

Баас Солвар свободна. Я лично проследил за тем, как она вышла за тюремные ворота, с нервным чувством пустоты в первом желудке. Теперь я пришел на рынок и спокойно жду. До заката еще несколько часов, но на всякий случай я пришел пораньше. Брейзер появится. Я не позволяю себе сомневаться. Не сейчас. Подобно тому, как глазам требуется несколько минут, чтобы привыкнуть к темноте после яркого солнца, разуму тоже требуется время, чтобы начинать различать оттенки серого. Я замечаю вчерашнюю девчонку, гипнотизирующую взглядом буханку хлеба, лежащую слишком близко к краю прилавка. Я подхожу к ней прежде, чем она принимает решение украсть, открываю кошелек, и вкладываю пять зигов в ее ладонь. Я опускаюсь на колено, становясь на одном уровне с ней. – Так жить нельзя, ты же понимаешь это, верно? Есть люди, которые хотели бы гордиться тобой. Но тебе придется принимать правильные решения, даже, когда это не просто, ладно? Попроси помощи, если она тебе нужна. В тебе очень много хорошего.

Девочка сияет и что-то в ее глазах загорается. – Кахти хорошая, - говорит она, прижимая руку к груди. Ее голос хриплый, похожий на рычание.

- Да. Верно, ты хорошая. – Она протягивает руки, и я принимаю ее объятия.

- Кахти хорошая, - повторяет она мне в ухо. – Очень хорошая. – Она улыбается, пятится назад и бежит прочь.

Я переполнен теплотой. Но в следующее мгновение замечаю, что кошелек пропал.

Смущенный и рассерженный я продолжаю ждать информатора, но с каждой минутой неуверенность в себе крепнет. Неужели я отпустил жестокого рейдера... зря?

Спустя два часа после заката, я мирюсь с действительностью. Я направляюсь в бункер, почти ожидая не найти его вовсе, надеясь, что все это был какой-то странный сон, но нет, он на месте, с гидрами и всем прочим. На этот раз глаза привыкают к темноте быстрее, и я бросаюсь вниз по лестнице в надежде отыскать подсказку или тайное послание. Липкий бетон почавкивает под моими ногами.

Все, что я нахожу, это бездыханное тело Брейзера, с перерезанным горлом, сидящее на том же месте, где я его оставил. Игровое поле красное и разбухшее от впитавшейся крови. Красно-черные следы ведут к выходу из бункера. Фигуры стоят ровно на своих местах, стало быть, Брейзер был убит вскоре после того, как я отсюда вышел. Я ищу прочие улики, но слишком дрожу от волнения, и не в силах сосредоточиться. Я должен доложить обо всем в Легион, чем бы мне это ни грозило.

Я направляюсь к выходу, но секундочку...

Я оборачиваюсь и внимательнее рассматриваю игровое поле. Одной фигурки не хватает. Моего ангела. Она должна была лежать там, где я ее оставил. Я набираюсь смелости и приподнимаю тело Брейзера. Фигурки нет ни под ним, ни на полу. Я ищу повсюду. Тот, кто его убил, явно забрал фигурку с собой.

Я со всех ног мчусь обратно в ДомСолнца, но у самых ворот меня останавливает знакомый голос.

- Пррррр, Воджек,- выкрикивает Аресаан, словно пытаюсь остановить строптивного скакуна. Она хватается за плечи, осматривает с головы до ног, замечая мое паническое состояние. – Что стряслось?

- У меня нет времени на твое ребячество, Аресаан. Произошло убийство.

- Seriously?

- Похоже, что я шучу? – Я поднимаю руки, кровь Брейзера уже впиталась в мою шерсть.

- Черт, Оссетт. Я и не думала... – она подгоняет меня вперед, к воротам, и я едва не спотыкаюсь впопыхах. - Ты должен доложить об этом. Знаю, мы никогда не были закадычными коллегами, но я пойду с тобой, если хочешь...

Я ворчу. Не хочу идти с ней, но и самому туда идти не хочется. – Ладно, – говорю я. – Только не будь такой... – я обвожу ее жестом, – ...собой.

Я всегда ощущал себя крошечным, стоя перед ДомомСолнца, с его массивными рубленными каменными башнями, похожими на громадные кулаки, бьющие по небесам, но сейчас я себя чувствую и вовсе ничтожным. Огни справедливости пылают в жаровнях, проливая свет на любой обман или угрозу порядку и единству. Они могут освещать улицы, но им не под силу пробиться сквозь мрак в моем сердце. Нас встречает Стража ДомаСолнца, перед серебряными воротами

расположен целый батальон. Большая часть стражников – гиганты. Мускулистые, с обнаженными торсами, не считая пары защитных блях, закрывающих жизненно важные зоны. Все деньги, сэкономленные на одежде, эти здоровяки явно тратят на покупку огромных молотов и булав. Я изо всех сил давлю в себе желание сбежать. Два стражника подходят ко мне, и я чувствую, как мои ноги становятся ватными, не способными никуда убежать, даже если бы я захотел.

- Оссетт Уеслин? Тебя вызывают на допрос, - обращается ко мне один из стражников, гигант, способный двумя пальцами обхватить мой бицепс.

- Погодите, что? Это насчет дела Баас Солвар? Понимаете, я предполагал, что могут возникнуть сложности, но не был уверен, и у меня не было времени на то, чтобы более тщательно...

- Ты подозреваешься в отравлении Сержанта Эмбрела Скормака, Второго Лейтенанта Девин Сидианы, и Гильдейского мага Рука Аталая.

Мой босс, босс моего босса, и ее босс. Я качаю головой. – Нет, это не я. Я бы никогда этого не сделал! Скажи им, Аресаан, скажи, что я не мог... – я поворачиваюсь в сторону Аресаан, но ее нигде нет. Я так и знал.

- Аресаан! – Выкрикиваю я. Она ангел, так что слышит, когда ее зовут по имени. Если только ее не лишили и этой способности.

Еще одна стражница, минотавр, закованная в обитые золотом доспехи весом с нее саму, обыскивает меня и выворачивает мои карманы. Возникает мой кошелек. Она открывает его, вынимает приглашение на торжественный ужин и пропавшую фигурку ангела. Она обнюхивает фигурку, проворачивает, и верхняя часть ангела отвинчивается от нижней. Внутри жидкость. – Явно какой-то голгарийский яд. Пара капель легко свалит гиганта. – Она отводит руку с фигуркой подальше от себя и завинчивает обратно.

- Это не мое, клянусь!

- Хочешь сказать, что я не найду на ней твои отпечатки? – спрашивает она.

- Нет! Ну, то есть, да. Я ее трогал. Я играл в «Кланы и Легионы». Но я понятия не имел. Что в ней был яд!

- Сказала корова с кровью на копытах, - громогласно произносит гигант, толкая меня вперед. Его напарница бросает на него гневный взгляд, но тот его не замечает. – Два славных лидера погибли от твоей руки. Полагаю, у тебя есть алиби на время вчерашней церемонии? Кто-нибудь поручится за тебя? Может, твой оппонент?

- Нет, он... – Я прикусываю губу. – Понимаете, меня пригласили на церемонию, но приглашение не было приглашением, вы понимаете? На самом деле это была шифровка о встрече с информатором. Видите, как перевернула печать, и лучей на один больше?

Минотавр поднимает приглашение. – Вроде обычная эмблема. Левый кулак. Девять лучей.

Я качаю головой. – Этого не может быть. Я видел! – Я сощуриваюсь, но, сколько ни пытаюсь, та штука в моем мозгу, что приносила порядок в хаос, исчезла. Передо мной простое приглашение на бланке Борос. – Я этого не делал. Среди нас предатель!

В мозгу полная неразбериха, но при всем хаосе мыслей я понимаю, что сейчас в высших эшелонах три вакансии, и Борос всегда их заполняет за счет внутренних повышений. Что означает, что истинный убийца продвинется выше по иерархии гильдии.

Затем меня в одночасье осеняет – Аресаан. Она стояла у меня за спиной, когда я читал приглашение, которое не было приглашением. Она могла заручиться поддержкой Димирского мага разума, чтобы тот порылся в моих мозгах, заставив видеть то, чего не было на самом деле. Она купила эликсир Голгари на черном рынке и подговорила Груульскую девчонку украсть мой кошелек, дальше... дальше... прямо сейчас она могла подбросить его обратно, когда столкнулась со мной у ворот. Кто знает, как глубоко тянутся ее связи, сквозь разные гильдии, за все эти десятилетия. Кто знает, как давно она вынашивала свой план, выжидая удобный момен. Легион Борос в последнее время был одержим порядком больше обычного. Квартал нельзя пройти, не наткнувшись на солдата в полном зимнем обмундировании, каждые выходные – парад в честь достижений гарнизона, выделившегося на поле боя. Они изо всех сил стараются демонстрировать единство и силу, и я не могу отделаться от мысли, насколько мы в действительности уязвимы для хаоса – как одна отвергнутая ангел одержимая возвращением на Парэлион, подставила меня, и, и...

И, и, ... и секундочку.

Целая сеть возможностей разворачивается в моем мозгу, подобно комбинациям в «Кланах и Легионах». Игровые партии могут длиться вечно, но большинство из них были быстрыми, не сложными. Вместо концентрации на хаосе, мне нужно сосредоточиться на порядке. Я вспоминаю о трех ходовой партии. На самом простом объяснении.

- Погодите, вы сказали, что отравлений было три, но всего две смерти? – обращаюсь я к гиганту.

Он окидывает меня хмурым взглядом. – Сержанту Скормаку повезло выжить. Дюжина шаманов откачивала его всю ночь.

- Вы говорите, что яд убил минотавра и гиганта, но не огневика?

- Возможно, смертельные эликсиры действуют на огневиков хуже, не знаю.

Хммм. Вероятно, они действуют хуже на тех, кто был не вполне живым, кто должен был давным-давно истлеть. Но этот факт, тем не менее, никак не влияет на волну сострадания. Они позволят ему отлежаться, чтобы убедиться, что он в порядке, но он вскоре встанет на ноги... со всей этой поголовной поддержкой его повысят не раздумывая. И он проберется в ДомСолнца, на какую-нибудь непыльную должность. Но в одиночку он никак не мог это проверить. Огневик вне поля боя привлек бы слишком много внимания. Ему нужен был кто-нибудь, способный незамеченным передвигаться по городу. Кто-то, кого люди привыкли видеть на улицах.

Я смотрю на минотавра, ее крупные, шерстистые руки, способные орудовать огромными дубинами, в тоже время казались достаточно утонченными, чтобы незаметно вложить кошелек мне в карман. Мой взгляд сползает на нее ботинки. Темно-коричневая кожа с выбеленными пятнами от токсичной слюны гидры. Она ходила к бункеру. Это она убила Брейзера.

- Ты! – Говорю я. – За всем этим стоит Скормак, он отравился и сам, чтобы избежать обвинений. А ты с ним в сговоре!

Гигант возмущен обвинением своей напарницы и толкает меня грубее. – Советую тебе держать пасть на замке, пока не встретишься со своим адвокатом.

- Ты должен мне верить. Она убийца, - умоляю я его. Не знаю, заодно ли они, но рискнуть стоит. – Скормак подставил меня, чтобы пробраться в ДомСолнца. Твоя напарница в доле. Возможно, и ты тоже.

Минотавр злобно топает ногой. – Я бы никогда не совершила нечто столь бесчестное!

- Если у тебя есть доказательства, правда выйдет на поверхность, - говорит гигант.

- Вы отведете меня во ВратаВойны и никто уже обо мне не услышит. Смотри! Смотри, это следы от слюны гидры, у входа в бункер, где у меня была встреча с информатором. – Я указываю на свои ботинки. – Они такие же и на ее ботинках. И на ее броне грязь.

- И на твоей броне грязь, - говорит минотавр. – И на моей. И на его броне тоже есть грязь... – указывает она на напарника.

- Да, но твоя грязь... из Кольца Руин... из весьма особой его части, оттуда, где оно соприкасается с Десятым Районом.

- Это будет сложно доказать, не так ли, - злорадствует минотавр, - особенно, из подвалов ВратВойны.

- Никто никуда не идет, - слышится голос Аресаан. Она вернулась, возможно, из чувства вины за то, что бросила меня одного. Или, скорее, ей не хотелось пропустить такое восхитительное шоу, как выгорание моей едва начавшейся карьеры. – Ты уверен, в том, что это правда, Оссетт?

- Уверен. Я не делал того, что они говорят, Аресаан. Ты меня знаешь.

- Тогда, я могу это доказать, - говорит она, взмахивая руками в воздухе и вбирая в ладони белое пламя. Она бросает огненный шар в минотавра. Пламя окружает напарницу гиганта, не касаясь ее. Возможно, слезливая история Аресаан о том, что она падший ангел и все такое, была не до конца правдивой. Ее заклинание пропитано лечебной магией, и вместо того, чтобы испепелить стражницу, грязь на ее броне стекается воедино и обретает очертания дракона. Его пыльный образ мерцает, как призрак. – Это грязь из Кольца Руин, высокая концентрация праха драконьих костей, - уверенно произносит Аресаан.

- Не желаешь ли объяснить? – спрашиваю я стражницу.

- Я просто... это... – заикается минотавр. Железная булава гиганта разворачивается в ее сторону и светится от накала, словно ее только что вынули из горнила.

Она бросает фигурку ангела на землю, та раскалывается, и смертельный эликсир растекается по земле. Аресаан метает в него еще один огненный шар, и жидкость испаряется прежде, чем успевает подействовать на кого-либо из нас. Когда мы приходим в себя, предательницы нигде нет.

- Нельзя дать ей уйти! – Говорит Аресаан.

- Нам нужна не она, - парирую я. – За всем этим стоит Скормак.

И судя по взгляду Аресаан, сомнений у нее нет. Я заслужил доверие ангела, и хотя мы никогда не будем с ней ровней, я явно возвысился в ее глазах. Она и прежде была ослепительно прекрасной, но теперь она преобразается в нечто большее, вселяющее страх и трепет. Заточенная проволока и оковы на ее крыльях рассыпаются и, наконец, она расправляет их широко, подобно долгожданному зевку, подавляемому десятки лет. Длинные изящные белые перья скрывают под собой мощь, с которой невозможно не считаться.

- Я недооценила тебя, Воджек. Доведем же дело до конца. Если среди нас предатель, наш долг восстановить справедливость. – Я беру ее за руку, и ее свет поглощает меня. Взмах крыльев, и окружающий мир проносится мимо нас. Когда ее ноги вновь касаются твердой почвы, мы уже стоим у стола Скормака в 4-м крыле. Он тоже здесь, собирает свои вещи.

- Готовитесь к переезду, офицер? – спрашиваю я. Он подсакивает от неожиданности, и пламя на его голове нервно мерцает.

- Неплохо выглядишь для того, кто еще недавно находился при смерти, - замечает Аресаан, стоя у меня за спиной. Она действительно позволяет мне вести это дело, уступая первенство.

- 4-е крыло тебя не устраивало, верно? - говорю я. – Тебе хотелось большего, и ты пошел бы на все, чтобы получить желаемое.

- Тебе известно, сколько элементарей состоит на службе в ДомеСолнца? Я могу перечислить их по пальцам одной руки. – Он поднимает три объятых пламенем пальца. – Трое из *тысяч*. То, что мы были призваны, а не рождены, еще не значит, что мы не способны работать в высших эшелонах. Наше сознание отрицается, нам не желают давать имен, но правда в том, что мы не неконтролируемые фанатики, и достойны жизни вне поля боя.

- Ты убил двоих, - напоминаю я ему. – Я бы не назвал это контролируемым поведением.

- Аресаан убила пятнадцать тысяч, и ее лишь отшлепали по рукам. Двойные стандарты. Оглянись, Оссетт. Ложь, предательство, несправедливость. Вот на чем основан ваш Легион.

- Воджек Уеслин, - говорю я.

- Что?

- Это мое звание. Прошу обращаться ко мне по уставу.

Скормак смеется. – Да у тебя бы его не было, если бы не я, ты, самодовольная корова.

Игра достигла логической кульминации, и я произношу фразу, от которой получаю удовольствие с тех пор, как впервые очистил доску в «Кланах и Легионах». – Ты аннулирован, Скормак.

Он поднимает тлеющую бровь. – А?...

Я склоняю голову рогами вперед, и врезаюсь в него изо всех сил. Он отлетает к стене и бумаги на его столе вспыхивают огнем. Этот ход я не очень тщательно продумал. Возможно, из-за шока, или от того, что я поставил его на место, но его огонь теперь заметно тускнеет.

- Я займусь, Воджек, - говорит Аресаан. Она освобождает пожарного водного элемента на ближайшей стене и направляет его на Скормака. Стихии сталкиваются, клубы шипящего пара заполняют кабинет, но вскоре огонь на рабочем столе и на теле сержанта гаснет. Он тлеет, как пережатый фитиль, и рассыпается в груды углей и опаленных доспехов.

- Спасибо, Аресаан, - говорю я. – Возможно, я тебя тоже недооценивал.

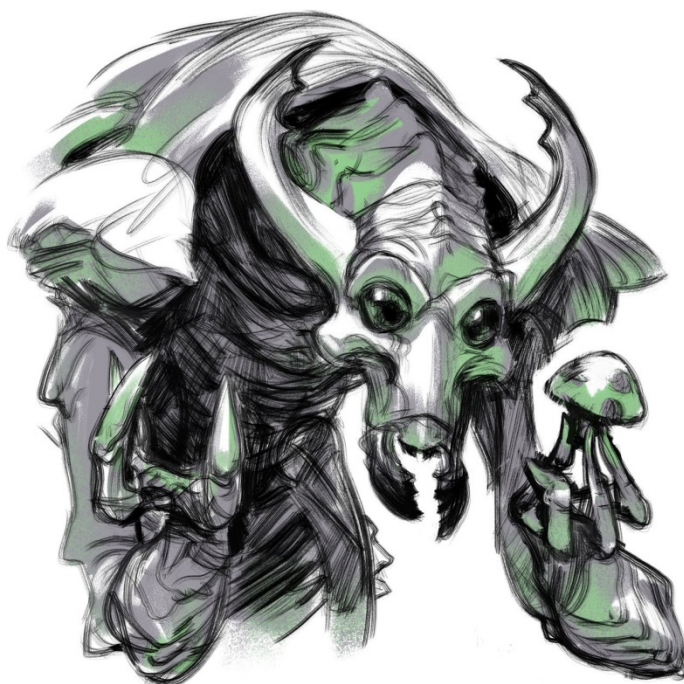
- Да нет, я такая, какая есть. – Она пожимает плечами, крылья сложены за спиной, сияние вернулось в изначальное состояние.

Не знаю, что она задумала, или что скрывает, но совершенно очевидно, что Аресаан больше, чем кажется со стороны. – Полагаю, мы теперь не часто будем видеться с твоим переходом в Крыло Воджеков, - говорит она. – Поздравляю. Правда. Ты этого заслужил, Воджек Уеслин.

Я улыбаюсь, поправляя шнур, трогаю медальон. Воджек Уеслин. Уверен, это мне никогда не надоест.

СМЕРТИ БЕСЦЕННЫЕ МГНОВЕНИЯ

Я вонзаю посох в губчатую почву и, затаив дыхание, осматриваю хрупкие вогнутые шляпки «птичьего гнезда» - самого желанного гриба среди шаманов Голгари в этом сезоне. Лишь трем перегнойным фермам удалось их культивировать, и наша была первой. Даже самые вялые экземпляры стоят по зино за штуку. Гриб передо мной красуется золотисто-бронзовым отливом и с полдюжины бирюзовых сфер похожих на яйца в воронке шляпки. Но ему не суждено украсить роскошные платья вельмож Нижнего города, я забираю этот гриб в собственную коллекцию.



Wesley Burt

Я вынимаю флакон из своей походной сумки и аккуратно вращаю в нем мшисто-зеленоватый эликсир, пока он не начинает светиться в лунном свете. Я его переворачиваю и терпеливо жду, когда единственная капля скатится из узкого носика флакона на шляпку гриба. Несколько мгновений она просто лежит в золотистой ложбинке, словно идеальная капля росы, но затем из нее вырастает сеть белых нитей, вьющих вокруг гриба волшебный кокон, который сохранит его для рассады на следующий сезон. Я пробую кокон на прочность быстрым постукиванием клешни, и помещаю его в аккуратно помеченное соответствующее отделение сумки.

Трескучая песнь насекомых эхом отражается от осыпающихся стен старого канала, окаймляющего нашу ферму, и возносится в ночное небо. Настоящая симфония хора цикад, сверчков, и седлоносцев, переливающаяся с отдаленным трубным воем Голиафа Мертвого Моста. Даже парочка моих собратьев присоединилась к пению. Мелодичная трель крыльев Рази слышна отчетливее прочих. Она поет лучше всех в нашей семье. Мамина любимица с первого дня жизни, хотя вслух она этого никогда бы не признала.

Внезапно, музыка в воздухе меняется с мелодичных призывов к ночной романтике на задворках территории Голгари, к резким, обрывчатым пискам новостей из Нижнего города – объявлен новый лич. Я поднимаю голову, осматривая просторы нашей фермы, все мои собратья также прекратили работу, стараясь расслышать то, на что глубоко в сердце надеется каждый из нас – что новым личем стал кроул. Один из нас. Но нет, это очередной эльф. Мои собратья возвращаются к работе, но я не могу оторваться от остальных слов в сообщении: личу нужен помощник, разбирающийся в грибах и желающий обучиться некромантии.

- Почему ты хочешь работать на эльфа? – Спрашивает меня Рази позже той же ночью, после того, как поля были убраны, и все мы вернулись в уютные объятия Матери. – Они носят куски наших тел в волосах, рисуют глаза на лицах, чтобы походить на насекомых, но когда встает вопрос о предводительстве... кого они выбирают снова и снова?

- А как же Мазирек?

- А что Мазирек? Он единственный жрец кроул из десятков горгон и сотен эльфов Девкарин.

Я заламываю пальцы, издавая трескучий звук недовольства. Я знаю, что Рази на самом деле лучшего мнения о Мазиреке. Она просто расстроена тем, что я покидаю ферму. Я бы тоже разозлился, если бы она сказала, что собирается покинуть нас ради пения при дворе Враски.

- Ты поешь лучше всех, - говорю я. – У меня почти нет слуха. Эллин лучше всех летает, - я расправляю крылья, одно из них деформировано. – Я даже взлететь не в состоянии. Я неплохо разбираюсь в грибах, но лишь потому, что Куурик великолепный учитель. Некромантия может стать моей изюминкой. Профессией, которая позволит Матери гордиться мной.

- Она и так гордится тобой. Она гордится всеми нами. Это же видно по ее глазам.

Я смотрю вверх, в глубокие темные глазницы, в которых когда-то были глаза нашей матери, но не вижу гордости, лишь пустоту. Мы полируем ее переливчатый экзоскелет до блеска, превратив его в маяк, видный из любой точки фермы. Она наш семейный якорь. Наше все. С самого момента нашего вылупливания из яичных сумок, мы питались ее внутренними органами – сладким и питательным мясом, наполнявшим наши личинистые тельца. Потом мы прогрызли сквозь ее панцирь, облепили коконами ее незащищенную брюшную полость, и она неделями напролет самоотверженно отгоняла от нас хищников своими громадными клешнями. Наконец, мы появились на свет и поглотили все, что от нее осталось, все сто семеро, пока ее экзоскелет не был выглодан начисто, а мы не набрались сил, чтобы в случае опасности самим постоять за себя. Теперь ее гигантский панцирь служит нам укрытием в дневные часы, с достаточным количеством щелей и ниш, для каждого. Мать пожертвовала ради нас всем. Как я могу не хотеть стать поводом для ее гордости?

- Просто обдумай все хорошенько, Бозак. Пожалуйста. Завтра вечером обсудим это всей семьей. – Риза зевает, потягиваясь в изгибе Материнской мандибулы. – До смерти, милый братец.

- До смерти, - отвечаю я, желая ей не только хорошего сна, но и прощаясь. Когда полуденное солнце озарит тенистое дно нашего канала, я соберу свои карты, журналы, флаконы в походную сумку и улизну, не нарушив сна братьев и сестер.

Величие Нижнего города поражает, с его необъятными каменными туннелями, укрытыми мхом и гигантскими арками, подобными раскрытым пастьям, готовым проглотить всех нас целиком. Мои соперники явились в своих лучших выходных нарядах, ребристых от грибных жабр ярких оранжевых и бледно-болотных оттенков, украшенных переливчатыми фрагментами панцирей, некогда принадлежавших моим собратьям. Я прижимаю свой посох поближе к телу, чувствуя себя одетым не надлежаще событию, со своим бронзовым наголовником, да скромным декоративным нагрудником. Лич оценивает каждого из нас помутневшими молочными глазами. Вся его кожа покрыта пеленой смерти, включая тусклые чары узора настроения у него на лбу. Его мантия настоящее произведение искусства, ниспадающая черная паутина с мозаичными рисунками из тридцати одного вида различных грибов и плесени, выгодно подчеркивающая его изящный, скелетоподобный силуэт.

Нас собралось двадцать шесть - храбрых (или глупых) претендентов, отважившихся отыскать и добыть четыре наиболее опасных гриба во всей Равнике. Я стою гордо, расправив вибрисы, все колени выпрямлены... готовый стать первым, кто вернется со всеми четырьмя образцами. Я прихватил с собой побольше консервирующих эликсиров, поскольку вдыхание спор некоторых грибов может привести к параличу, удушью, смерти, или чего похуже.

- Лишь один из вас будет признан достаточно умелым, чтобы стать моим учеником, - говорит лич. – Вы должны быть внимательны, хитры, и быстры. Если вам суждено погибнуть, утешьтесь мыслью, что ваше тело даст жизнь новым поколениям разлагателей, чьи отпрыски будут переваривать органические тела Нижнего города многие тысячелетия.

Я впервые покинул пределы фермы и не знаком с Нижним городом, но лич благосклонно предоставил нам карту. Большинство соперников спешно отправились на поиски, но одно мгновение, потраченное на изучение местности, может сохранить много времени блужданий по болотам. Пока я стою, составляя маршрут, меня толкает плечом проходящий мимо эльф, от чего хрупкий пергамент рвется пополам. – Смотри, куда идешь! – Выкрикиваю я, кроульские проклятия срываются с моих крыльев. Он бросает на меня взгляд через плечо, едва различая меня сквозь широкую шляпку грибного наплечника, украшающего его роскошную синюю мантию. Я не вижу его губ, но судя по ухмылке, отраженной в его узорах настроения, я уверен, что толкнул он меня нарочно. Ну да ладно.

Отыскать «зомби-гриб» не сложно. Он конечно смертельный, но довольно широко распространен. Этот гриб предпочитает расти в тени мангровых деревьев, и карта указывает, что неподалеку есть небольшая роща. Я бегу по тошнотворной водянистой жиже, уклоняясь от плющевых лоз, сильно отстав от соперников. Мы все высыпаем из старых каменных крепостных ворот в открытую топь. Мангровая роща... по меньшей мере, выглядит заколдованной. Толстые,

узловатые стволы на длинных вытянутых корнях, безобразные кроны, больше похожие на зеленые пряди волос, чем на листья. Большая часть соперников уже рыщет среди корневищ – идеальное место для «зомби-гриба». Я спешу примкнуть к остальным, пока они не выгребли всю грибницу, но замечаю что-то странное. Мох на деревьях... растет не с той стороны. И корни, мне кажется, один из них дернулся.

- Древесные призраки! – Кричу я, привлекая внимание горгоны, пробегающей мимо меня. Мы останавливаемся, и бросаемся в противоположную сторону, предупреждая еще двух эльфов и кроула, бегущих за нами.

До нас доносится треск старых ветвей и сосущее хлюпанье корней, выползающих из водянистой почвы. Потом вопли. Много, много воплей. Затем тишина.

Мы все впятером не останавливаемся, пока не добегает до противоположного края болота, миновав несколько туннелей, слишком узких для габаритов древесного призрака. Наконец, запыханные и перепуганные, мы падаем на землю.

- Что ж, карте точно доверять нельзя, - говорит горгона, переведя дыхание. Щупальца ее волос вздыблены вверх, но я рискую взглянуть в ее сторону, просто, чтобы узнать, с кем имею дело. Она молода, с кожей темно-оливкового цвета и не по годам мудрым взглядом.

- Поверить не могу, что лич мог нас так подставить, - говорю я.

- Эльфы Девкарин все такие сволочи, - отзывается другой кроул.

Два эльфа в нашей группе скалятся, явно не привыкшие находиться в меньшинстве. Они мрачно уходят, бормоча ругательства и полыхая гневными узорами настроения.

- Не обращай на них внимания, - говорит кроул. – Зегодонис был единственным эльфом в этой гонке, который чего-то стоил, и его костями древесные призраки сейчас выковыривают мясо из зубов. Полный засранец. Даже для эльфа.

- Зегодонис? – переспрашиваю я. – В напыщенной синей мантии и громадными наплечниками? С парой десятков лап насекомых в волосах? – Это эльф, который порвал мою карту.

- Тот самый. От смерти, жизнь, - говорит он, сплевывая в трясины.

- От смерти, жизнь, - повторяю я Голгарийскую мантру, стараясь успокоить нервы. Но я не могу перестать думать обо всех тех претендентах... они все мертвы. Все произошло так быстро. Если бы я не потратил пару мгновений на изучение карты, мои кости тоже были бы на дне того болота.

-Эй, тебя как звать? – спрашивает меня кроул.

- Бозак, - отвечаю я, потрескивая крыльями.

- Я Лимин. – Улыбается он. У него потрясающие тонкие крылья, но они едва шевелятся, когда он говорит. Без их участия, его слова звучат как-то фальшиво. По-эльфийски. Должно быть, он

почувствовал мое беспокойство и предлагает объяснение. – Я вырос в самом сердце Нижнего города. Там, чтобы выжить, приходилось адаптироваться.

- Понимаю, - говорю я, хотя это и не так. Если бы у меня были такие крылья, я бы жужжал ими днями напролет. – А тебя как зовут? – спрашиваю я горгону.

- Ката, - говорит она, не впечатленная ни одним из нас. Она отворачивается от меня, словно это у меня взгляд обращает тело в камень. – Смотрите-ка, «зомби-гриб».

Она права, в паре десятков шагов от нас, небольшая грибница облепила канализационную решетку. Каждый из нас осторожно собирает по одному образцу и окунает в презервационный эликсир. Как только кокон затвердевает, я окунаю свой образец повторно, на всякий случай.

- Ты спас нам жизнь, - говорит мне Ката, упаковав свой гриб. – Я благодарна за это, но не мечтай, что теперь мы работаем вместе. Лишь один из нас победит в этом соревновании. – Она убегает, оставив нас с Лимином одних.

- Она права. Но это не значит, что мы не можем стать временными союзниками. Если мы объединим информацию и ресурсы, то, по крайней мере, сможем гарантировать, что победителем будет кроул. Что скажешь? – Он протягивает руку, как делают эльфы, закрепляя сделку. Я давлю гримасу и вкладываю свою ладонь в его. Там, откуда я родом, сделка между кроулами скрепляется прикосновением мандибул. Может, это и дает ему ощущение адаптации, но я от этого рукопожатия чувствую себя чужаком в собственном теле.

Вместе мы собираем молодые «смертельные шляпки», едва пробившиеся из-под плесневой вуали, и уверенно обгоняем Катю и одного из эльфов. Второй ненамного опережает нас. Он оборачивается, пытается бежать быстрее, но спотыкается о корень и плашмя падает на собственную сумку.

- Помогите, я ранен, - кричит он. – Лимин... ладно тебе, мы же друзья, правда? Мы практически выросли вместе.

- Он пробил свой «зомби-гриб», - шепчу я Лимину. Споры облаком вздымаются к лицу эльфа, но он этого не замечает. – Нам нужно держаться подальше.

- Может, скажем ему? – Мешкает Лимин. – Может, он сможет...

- Слишком поздно. – Эльф уже прекратил стонать, поднялся на ноги, и мы видим торчащий из его груди острый обломок ветки, который пробил его сумку. Он поднимает голову, рассматривая окружающие деревья, пока кровь заливает его одежду. Кажется, боль его совершенно не тревожит.

- Какое из них вам кажется самым высоким? – Произносит он заплетающимся языком. Существует несколько разновидностей «зомби-гриба», но этот наиболее агрессивный и действует мгновенно. Споры уже перестроили мозг эльфа, подчинив его своей воле. Теперь его тело – невольный инкубатор следующего поколения грибов.

Эльф выбирает дерево и ползет по нему так, словно он был для этого рожден. В считанные минуты он достигает самой вершины и замирает, крепко обвив ветви руками и ногами. Через несколько часов грибы прорастут сквозь его глаза, ноздри, уши... медленно питаясь его телом, пока не будут готовы оросить спорами окрестные болота. Я не чувствую к нему жалости. Такова жизнь... это мало чем отличается от того, как мы с братьями попали к нашей Матери. Она вскормила нас, отдала нам всю себя, но при этом она не была нам биологической матерью. Настоящую мать мы не знаем. Она отложила яйца в гигантском жуке, и ни секунды больше о нас не думала. Я знаю, что разум Матери был изменен, шепот чужаков заставлял ее защищать нас. Я понимаю, что ее крики на самом деле не были колыбельными песнями, но она любила нас. И мы любим ее. Идеальных семей не бывает.

Я так захвачен воспоминаниями о доме, что Лимину приходится оттаскивать меня прочь. Мы работаем в команде, чтобы добыть «волчий клык», растущий на гниющем пне высоко на отвесном утесе в землях Селезнии. Крылья Лимина искрятся на свету, когда он с легкостью взмывает ввысь, чтобы добыть грибы, пока я метая камни в молодого вурма, решившего полакомиться моим напарником. Наконец, мы добираемся до последнего гриба в списке.

Мы снова в глубинах Нижнего города, мои ноги по колено покрыты ярким зеленым мхом. Я углубляюсь в топкую трясину, но останавливаюсь, заметив, что песнь насекомых утихла, предупреждая меня об опасности. Впереди логово моховых псов, вход в него укрыт плющом и люминесцентным лишайником, рядом с которым растут нужные нам грибы, «пожирающий ангел». Быстрое погружение под воду, и я маскирую свой запах от псов. Я показываю жестами Лимину проделать то же самое. Если они спят, то у нас есть шанс.

Белые сверху, и оперенные, как крылья ангелов с упругой черной каймой снизу. Они не ядовиты, как «смертельные шляпки» и «волчий клык». Эти грибы вызывают тяжелые галлюцинации, заставляющие убивать всех в поле зрения, а когда, спустя час, ты приходишь в себя, то не ощущаешь никаких побочных эффектов, кроме крови двадцати восьми человек на руках.

Я заглядываю в пещеру, и, конечно вижу трех моховых псов, свернувшихся вместе в густой тени, подергивающих лапами во сне – острые обсидиановые когти рвут воображаемую плоть, сдавленный лай выскальзывает из клыкастых пастей. Осторожно, бесшумно, я протягиваю руку к «пожирающим ангелам».

- Псст, Бозак! – Шепчет Лимин, - Ты уверен, что это не «когти грифона»?

Щупальце одного из моховых псов шевелится, и я мгновенно замираю на месте. Я перестаю дышать, пока оно не укладывается на место. Лимин жужжит надо мной, у самого входа в пещеру, сверкая тонкими крыльями, но все мои мысли о том, что таким образом он распыляет свой запах, и в любую секунду моховые псы его учуют.

- Уверен, - шепчу я в ответ. Гриб «когти грифона» настолько похож на «пожирающего ангела», что даже опытные споровые друиды с трудом их отличают, но мой брат научил меня находить разницу в форме их шляпок.

Я собираю пару «пожирающих ангелов» и аккуратно оборачиваю их в коконы. Кладу свой гриб в сумку, и отдаю Лимину его образец. Лимин приземляется в болото рядом со мной. Я пытаюсь пройти мимо него, но он становится у меня на пути. – В чем дело, Бозак? Боишься, что не сможешь убежать от никчемного мохового пса? – Он сощуривается, вглядываясь в пещеру. – Ой, да перестань. Они же еще щенки.

- Ммм-хмм. Тебе легко говорить. – Имея в виду его крылья. – Теперь, если ты не против, с этого момента мы каждый за себя. – Я слышу приближающиеся шаги, поднимаю голову и вижу силуэт с волосами, кишащими подобно клубку змей. Ката нагнала нас. Горгоны жесткие соперницы. В буквальном смысле. И я не собираюсь подхватить хроническое окаменение.

- До смерти и дальше! – Выкрикивает Лимин, уложив свой гриб в сумку, затем бросает камень в логово моховых псов и попадает одному из них прямо в лоб. Стеклоподобный взгляд хищника мгновенно фокусируется. Голова поднимается. Морда морщится, рыча и обнажая клыки. Два других пса пробуждаются и рычат позади него.

- Ты что наделал, Лимин? – Говорю я, но мой бывший напарник уже улетает прочь.

Моховые псы смотрят прямо на меня, угрожающе выходя из логова. Я разворачиваюсь бежать, и этого им достаточно, чтобы броситься за мной.

- Моховые псы, - кричу я Кате, и вот мы уже бежим вместе, плечом к плечу, но псы быстро сокращают расстояние.

- Я могу превратить их в камень... – говорит горгона, задыхаясь от бега. - ...если сможешь выкроить мне пару секунд на заклинание.

- Я думал, ты не хотела работать сообща, - говорю я.

- Бозак, ты серьезно собираешься быть таким мелочным, когда моховые псы вот-вот сожрут нас живьем?

- Ладно, - говорю я. – Я их отвлеку.

- Дай мне полминуты, и веди их ко мне.

Я киваю, затем издаю крыльями раздражающий скрип, и, когда псы бросаются в мою сторону, заворачиваю вокруг густого кустарника, огибаю его и мчусь обратно к Кате. Все щупальца на ее голове вздыблены и перекатываются. Она испускает заклинание, и два моховых пса замедляются, затем замирают с озлобленными раскрытыми пастями. Их плоть постепенно обращается в камень, но тарачиться на это нет времени. За мной гонится еще один пес, и Ката пытается повторить заклинание, но ничего не происходит. В следующее мгновение пес набрасывается на нее.

Не стану лгать... мой первый инстинкт – бросить ее здесь и отправится за заслуженной победой, но что бы тогда обо мне подумала наша Мать? Я растираю крылья, извлекая мелодичную трель. Музыка привлекает ко мне целый рой серебристой саранчи. Я натравливаю их на мохового пса, который прекращает нападать на Катю и щелкает челюстями, пытаюсь отогнать насекомых. – Уходи, спасайся! – Ору я Кате, но у нее возникает другая мысль. Ее волосы вздымаются вновь. – Нет! – Кричу я, но слишком поздно. Третий пес превращается в статую, и вместе с ним, около сотни саранчи. Подобно дождю из гравия они осыпаются в топкую жижу.

- Что? Это всего лишь насекомые, - говорит горгона, замечая мой злобный взгляд.

Я собираюсь сказать ей, что они были больше, чем просто насекомые, что они мне родня, но потом я замечаю, что ее волосы все еще беспокойны. Я то же для нее лишь насекомое.

- Победит лишь один, Бозак. И это буду я. – Она сверлит меня взглядом. Ее зрачки расширяются, пока глаза не становятся кромешно черными, затем края этой черноты начинают светиться. Я стою на месте, замерев от шока, от боли уязвленного доверия... но затем, мой посох начинает пульсировать в руке. Он достаточно острый, чтобы пробить плоть. Наверно. Я двигаюсь быстро, толкая посох вперед, он вонзается горгоне в живот. Свет в ее глазах рассеивается, и жесткость, медленно сковывающая мои чресла, ослабевает.

Она лежит передо мной, сжимая посох у самой раны, харкая кровью. Посох сверкает, едва ли не оживленный какой-то волшебной силой. Мои мысли проясняются... и я беру его в руки, провожу по гладкой перламутровой внешней выгнутости и черной ребристой вогнутости. Я вырезал его сам из одной из ног Матери. Какие бы остатки магии он ни хранил, они уже рассеялись, ее последний дар. Ее ободрение придает мне энергии, все мои мысли устремлены к одной цели. Я должен победить.

Все грибы аккуратно сложены в моей сумке, и теперь все что мне нужно, это добраться до лича раньше Лимина. Может, я и не могу летать, но мне это и не нужно, если на моей стороне сила насекомых. Я тру крылья друг о друга, издавая низкий гул, в точности имитирующий брачную песню Голиафа Мертвого Моста. Земля содрогается, и вскоре я его вижу - громадный жук несется в мою сторону. Он растерян, обнаружив вместо потенциальной самки меня, но я цепляюсь за его ногу и держусь изо всех сил, пока он ломится вперед, наверстывая мое драгоценное время. Я уже вижу лича, и почти нагнал Лимина, но жуку вдруг понадобилось свернуть, и я вынужден покинуть его. Все же, я уже достаточно близок к цели, и шанс у меня есть.

Вдруг из трясины поднимается покрытый мхом силуэт, обеими руками сжимающий обломок посоха. Он бьет им Лимана наотмашь, ломая ему две ноги и крыло. Кроул кубарем валится в топкую жижу, корчась от боли, пока таинственный незнакомец подбирает его сумку. Убийца поднимает взгляд на меня... эльфийские уши и узоры настроения все еще видны сквозь зеленоватую грязь. Половина его лица иссечена порезами от заноз, а пышная синяя мантия разодрана в клочья.

Зегодонис. Ему как-то удалось пережить нападения древесного призрака. Мы бросаемся вперед, я бегу изо всех сил, а он хромая, ковыляет за мной, осыпая меня проклятиями и всевозможными

ругательствами. Но я не свожу глаз с цели. Лич стоит совсем близко. Я добегаю до него первым, преисполненный успехом. У меня получилось!

- Поздравляю, - говорит лич, мертвецкий тон его голоса идеально сочетается с его внешним видом. Он дважды рассматривает мои образцы, прежде чем Зегодонис дохрамывает до нас.

- Поздравляю и тебя, тоже. – Он берет сумку Зегодониса, мельком заглядывает внутрь. – Вы оба справились с заданием. И оба будете мне служить. – Глаза лича блестят при взгляде на Зегодониса, что казалось совершенно невозможным, когда он смотрел на меня.

Победитель должен был быть один, но я не осмеливаюсь им возражать. Вместо этого, я решаю насладиться моментом своего триумфа и сконцентрироваться на том, чтобы стать самым лучшим некромантом.

- Не сюда. Туда! – Кричу я на грибного тягача в пятый раз. Он мычит в мою сторону, все его конечности покрыты мягкой белой плесенью и семейством длинноногих грибов, проросших из его плеч и головы. Все его тело не рассыпается лишь благодаря магии смерти и грибным корневищам, оживляющим кости, не чувствовавшие на себе плоть вот уже целое столетие. С тягачами работать крайне сложно. Былые зомби хорошо понимают команды, но лич не верил в мое подчинение ни одного из них. Тем не менее, мне нравится наблюдать за тем, как они маршируют в ритме давно минувшей эпохи, разодетые в пыльные наряды с множеством фестонов, жабо, и бесчисленных пуговиц на корсажах.

Грибной тягач, которого я назвал Бензай, наконец, сбрасывает с плеч труп на груды тел в углу святилища лича, и поворачивается в мою сторону. Пустые глазницы пялятся на меня, ожидая следующего приказа. Я вздыхаю.

- Извини, Бензай, - говорю я. Я не должен был на него кричать. Я часто вымещаю свое раздражение на зомби. Я вовсе не так представлял обучение у лича – возиться с мертвецами, вместо того, чтобы учиться оживлять их. Самого лича сейчас нет, он проводит консультации в Корзде, ратуше Горгари, Загодониса он забрал с собой. Опять. На ДомСолнца было совершено грибное нападение. Три офицера Борос высокого ранга были подвержены воздействию того же типа «зомби-гриба», которого нам требовалось собрать во время испытания. Они полезли на башни собственного штаба, и одному даже удалось взобраться на его вершину. Наш гилдмастер Враска обеспокоена, что Борос используют эту ситуацию, как очередной повод для рейда в Нижний город, и призвала совет личей, чтобы решить, как лучше действовать дальше. Их еще долго не будет.

Лич не любит, когда я захожу в его святилище, и отчитывает меня всякий раз, когда я задерживаюсь здесь, сбрасывая трупы, поэтому большинству своих заклинаний я научился, подслушивая под запертой дверью. Но теперь я могу основательно здесь осмотреться, не боясь быть застигнутым врасплох. Полки на стенах забиты всевозможными черепами: дьяволы Рекдос с толстыми загнутыми рогами и глазницами, светящимися в сумраке темным изумрудным светом,

длинно-мордые вяжино, минотавры, гиганты... все, вплоть до черепа дракона, служащего личу кафедрой. Образцы грибов, разложенные вдоль стен, не идут ни в какое сравнение с моей жалкой коллекцией. Здесь их, должно быть, тысячи. Воздух настолько густо пропитан насыщенной гнилью и разложением, что я не могу удержаться от попытки наколдовать собственное заклинание смерти.

Я повторяю движения, подсмотренные у лича, и ощущаю покалывание во всем теле, когда мана начинает течь сквозь меня, подобно сотням муравьев, ползущих по моей коже и хитину. Я давлю желание стряхнуть их, и расслабляюсь, позволяя потоку маны втечь в руку, наблюдая за тем, как моя ладонь наполняется тусклым зеленоватым светом. Я перенаправляю часть энергии в дряхлый трупик крысы, который я нашел, вычищая гробницы Былых.

Я терпеливо жду. Задняя лапа крысы дергается, но не более того. Уверен, если бы лич меня учил, я бы уже давно умел это делать. Зегодонис уже знает несколько заклинаний. Я надеялся, что некромантия станет моим призванием, но, возможно, стоит признать, что до конца своих дней мне придется убирать паутину в гробницах и орать на грибных тягачей.

Я слышу голоса в коридоре. Это лич. Он вернулся раньше. Мне нельзя попасться ему на глаза в святилище. Я прячусь в нише у дальней стены, и вспоминаю о Бензае, который все еще стоит и пялится на меня, выдавая место моего нахождения.

- Иди сюда! – Приказываю я ему. Он плетется ко мне. – Быстрее!

Крики никогда не ускоряют работу. Я выбегаю и толкаю его в свое укрытие. Он мычит.

- Шшш, Притворись мертвым.

Бензай подчиняется, я научил его этому фокусу в свободное от работы время. Его ноги подкашиваются, и он сползает вниз, прислонившись головой к холодной каменной стене. Лич входит в сопровождении двух солдат Борос. Они держатся гордо и собрано, но судя по тому, как их выпученные глаза мечутся из стороны в сторону, они явно боятся здесь находиться. Лич подходит к коконам образцов грибов и выбирает те, что мы добыли у пещеры моховых псов.

- «Пожирающий ангел». Возможно, самый смертельный гриб во всей Равнике. Он не убивает, но заставляет любого, кто вдохнет его споры, открыться собственной ярости. Помните бойню на улице Жестянщиков?

- Ну, да, - говорит один из солдат. – Мы арестовали тогда пару Груульских зачинщиков. Хочешь сказать, что мы взяли не тех?

Лич приподнимает тонкую бледную бровь. – Я уже посадил обезвреженный образец на мантию, которая будет на Враске, во время ее обращения к Крунстразу сегодня вечером в Висящей Крепости. Эксгумируйте тела жертв бойни и проведите анализ спор. Улики укажут, что источник агрессии был вызван этим грибом. У Борос не останется выбора, кроме как обвинить Враску в преднамеренном убийстве. И на этот раз ей не отвертеться, уверяю вас.

- Похоже, нам пора вломиться на чужую вечеринку, - говорит солдат Борос.

- В самом деле, - говорит лич, соединяя костлявые пальцы. – И я надеюсь, что когда настанет время Борос поручиться за нового кандидата в гилдмастеры, ваша гильдия примет во внимание мою сегодняшнюю помощь.

- О, кажется, мы знаем идеального Девкарина на эту должность, - смеются они.

Лич улыбается, душераздирающая щель иссеченных губ обнажает бесконечные ряды пепельно-серых зубов. – Зегодонис! – Выкрикивает он. Зегодонис вбегает в святилище. – Проводи этих блистательных воинов, будь так добр.

- Да, мой лич, - говорит Зегодонис, кланяясь в пол.

Лич осматривает груды трупов и принимается наколдовывать реанимирующие заклинания. Я подглядываю из-за угла, наблюдая, как под действием его магии, один за другим труп наполняется жизнью. Я нервно жду. Мне нужно предупредить Враску.

Мой растерянный взгляд падает на дохлую крысу, которую я все еще сжимаю в руке, то что нужно для переключения внимания. Если мне удастся заставить лича отвернуться в другую сторону, я смогу улизнуть отсюда незамеченным. Я смотрю на крысу и повторяю движения лича. Зеленый свет вновь вливается в мою ладонь, на этот раз гуще, больше похожий на сироп, чем на воду. Я вливаю его в крысу. Ее усы шевелятся. Хвост дергается. Все четыре лапы барахтаются в воздухе.

Я вытаскиваю из сумки гриб «хвост кабана», мягкий, похожий на сыр. Я скармливаю его крысе. Она глотает его, запихивает в рот. Пережеванные кусочки гриба вываливаются сквозь дыру в ее брюхе, но крыса не обращает на это никакого внимания. Я осторожно бросаю пару кусочков гриба к ногам лича и кладу крысу на пол. Она бежит по липкому полу, съедает оба куса и кусает лича за лодыжку.

Он гневно размахивает руками, сбив с кафедры фолиант с заклинаниями. Древний пергамент разлетается повсюду. В этом хаосе мне удастся, не выходя из тени, пробраться к выходу. И в следующий момент я уже со всех ног мчусь к Висящей Крепости.

У самой Висящей Крепости я ощущаю на себе сотни глаз. Я выгибаю шею и смотрю вверх, на цитадель, свисающую из темноты, подобно осиному гнезду. Даже отсюда я слышу жужжание и щелчки моих собратьев кроулов, возбужденных визитом гилдмастера.

- Мне нужно видеть Враску, - говорю я стражникам.

Я ожидаю, что они начнут запрашивать от меня пропуска, или, по крайней мере, объяснений, но стражник просто осматривает меня с головы до ног, словно я не могу представлять ни малейшей угрозы. – Только стоячие места. Поднимайся наверх, - бормочет он, указывая на нижний вход в Крепость.

- Вообще-то, вы бы не могли меня туда подбросить? – Он смотрит на мое изувеченное крыло, затем свистит одному из крылатых стражников, который без лишних слов переносит меня на первый уровень Крепости. Надо мной широкий атриум, изумрудный мох украшает нависающие балконы. Королевская гвардия, преимущественно кроулы, заполняет каждый ярус, и я ощущаю коллективный гул через вибрацию в своем экзоскелете. В семи этажах вверх, Враска стоит у самых перил и машет своим верным подданным. Я щурюсь. Думаю, это Враска. Отсюда она не больше муравья.

Толпа настолько плотная, что мне никогда не добраться до нее вовремя. Офицеры Борос, возможно, уже на подходе, поэтому, действовать надо немедленно. Я пробиваюсь сквозь рой, пока не достигаю одной из крепостных бойниц - удобный способ срезать расстояние к Варске. Я совершаю ошибку, взглянув вниз, головокружение туманит мысли. Все, что мне нужно, это вскарабкаться на семь этажей вверх, и я знаю верный способ проделать это без тени страха.

Я вынимаю из сумки «зомби-гриб» и кладу на язык. Кокон растворяется. Минуты проходят, а вместе с ними и мой страх высоты. Не могу думать ни о чем, чего бы мне сейчас хотелось больше, чем добраться до самой вершины Висящей Крепости. Я протискиваюсь сквозь бойницу и уверенно переставляю ноги, взбираясь по отвесной внешней стене древней цитадели. Я проползаю семь этажей, и усилием воли борюсь с мыслями захватнических спор. Я должен прекратить ползти вверх.

Выше, приказывает мне гриб.

Выше.

Выше.

Словно пульсации сердца. Но я должен войти внутрь. Я пробираюсь сквозь ряд подсобных комнат, пока не выхожу к атриуму. Враска стоит спиной ко мне, произнося пылкую речь перед Крунстразом, щупальца ее волос развиваются в такт ее словам. Десятки грибов украшают ее мантию. Я ищу «пожирающего ангела». Вижу «золотистые зонтики» на ее плечах, «алые эльфийские шляпки» на корсаже, «Коралловая булава», «Косматая грива»... и вон там, среди «Когтей грифона», украшающих паутину ее шлейфа, я замечаю спрятанного личем «пожирающего ангела», его шляпка едва заметно выше его не-смертельных соседей. Я ползу вперед, с трудом переставляя ноги. Гилдмастера окружают советники и охрана, но все они напряженно всматриваются в толпу внизу. Один из советников поворачивается и замечает меня. Он коротко кланяется Враске и направляется ко мне. Моему мозгу требуется мгновение, чтобы узнать в нем кроула. Затем, его лицо становится мне знакомым. Это Мазирек.

- Ты! – Говорит он.

Я пытаюсь собраться, чтобы рассказать ему о личе, и Борос, о «пожирающем ангеле», и заговоре против Враски, но споры уже изолировали практически все функции моего мозга, не связанные с лазанием вверх, и из моего рта вызывается лишь неразборчивое лепетание.

Выше.

Стражник хватает меня за руку и крепко ее выворачивает. Судя по тому, как он ее держит, должно быть адски больно, но я ничего не чувствую.

- Уберите его отсюда, - говорит Мазирек.

Стражник толкает меня вперед, но я концентрируюсь на своих мыслях. Если гриб подавил мою чувствительность к боли, я могу извлечь из этого выгоду. Я резко выкручиваюсь из захвата стражника, раз, два, достаточно грубо, чтобы выкрутить руку из сустава. Я чувствую легкую пульсацию в том месте, где отломалась рука, но меня это совершенно не беспокоит.

Стражник остается стоять с моей рукой в своих руках, пока я рывком бросаюсь к Враске. Я срываю «пожирателя ангела» с ее мантии и глотаю его целиком. Я не могу допустить, чтобы его нашли. Не могу позволить влиянию Борос проникнуть глубже в Рой, когда мы только начали восстанавливаться от внутренней неразберихи из-за смены лидера. Я мчусь к бойнице. Смотреть вниз все еще страшновато, но я делаю то, что должен. Я расправляю крылья и прыгаю.

Может, самое лучшее во мне то, что я столько всего могу делать достаточно хорошо.

Я могу исполнить брачный призыв достаточно хорошо, чтобы одурачить Голиафа Мертвого Моста.

Я могу метать камни достаточно метко, чтобы попасть вурму в глаз с пятидесяти шагов.

И я могу расправить крылья и улететь достаточно далеко... *упасть* достаточно далеко от Крепости, чтобы Враска не была обвинена в бойне на улице Жестянщиков.

Я шевелюсь на болотной отмели Нижнего города. Я не рассчитывал, что переживу падение, но, может, мои крылья смогли его замедлить. Все мое тело трясет, не от боли, но скорее от неприятного давления, словно я слишком надолго задержал дыхание. Желание ползти вверх прошло. Я думал, что к этому времени я должен был уже быть объят яростью от «пожирателя ангела», но, видимо, лич действительно полностью обезвредил гриб. Мне нужно уйти куда-нибудь подальше от всех, на всякий случай, ради их безопасности. Я пытаюсь сесть, но две мои ноги сломаны, а панцирь расколот от края до края. Со мной еще что-то не так – гриб во мне набрал полную силу и теперь контролирует мои мысли.

Я шевелю оставшейся рукой, но движение уже не привычно автоматичное. Скорее это похоже на совместное усилие, как тогда, когда мы с братьями уводили Мать от берега реки во время нашего первого сезона наводнений. Другие мои органы чувств также сильно замедлены, словно они проходят и отфильтровываются через сотню чужих разумов, прежде чем достигают моего.

- Не. Спешу, – доносится голос рядом со мной. Произнесено было гораздо больше слов, но я смог разобрать лишь эти. Я с усилием поворачиваю голову. Мои мышцы скорее сползают, чем движутся.

В глазах все плывет, давление грибной ткани исходит из глазниц. Несколько побегов уже проросли наружу, и затмевают мое периферийное зрение. Я трогаю их, нащупываю вогнутые шляпки и крошечные яйцо-подобные сферы внутри них. Гриб «Птичье гнездо». От падения мои образцы прорвали коконы? Это не самые быстро растущие грибы, и я задумываюсь, как долго я пробыл без сознания.

- Осторожно, - произносит голос. Я изо всех сил концентрируюсь на источнике звука и вижу силуэт кроула.

- Рази? – Выкрикиваю я имя сестры, но мой голос хриплый, и когда я пытаюсь пошевелить крыльями, я их совсем не чувствую. Меня охватывает паника, я тянусь рукой за спину и нащупываю обрубки, покрытые мягкой плесенью.

- Крылья. Потеряны. Падение. – Лицо за словами начинает проясняться. Это занимает долгое, долгое мгновение, но я все же узнаю его.

- Мазирек? – Я тянусь к нему, не только от многих лет восхищения, но физически притягиваюсь к нему. Я смотрю на него так, как на меня смотрели грибные тягачи, в ожидании приказа.

Может, я все же не пережил падение. Но существуют судьбы и похуже, чем оказаться в подчинении самого могущественного кроула Роя. Я выворачиваю свои лицевые мускулы в подобии улыбки, абсолютно смущенный, и готовый служить ему изо всех сил.

Этого мгновения хватает на то, чтобы все встало на свои места – *это и есть* момент смерти – не тогда, когда ты делаешь последний вздох, или когда сердце бьется в последний раз. Это момент, когда ты осознаешь, что перед тобой открывается вся твоя смерть, и возможности безграничны.

УЗЫ И ОКОВЫ

- Ты снова идешь к ней, не так ли? – говорит Амбреллин, стоя у входа в мою комнату. Технически, это ее комната, но она разрешает мне временно жить здесь вот уже несколько месяцев после того несчастного случая. Ее голос спокоен, но морщинки в уголках ее глаз углубляются ближе к вискам, где гладкая кожа превращается в жесткую древесную кору. Это явный признак скрытого раздражения, признак, выдающий ее с самого детства.



Wesley Burt

- Я только занесу немного денег в приют, - говорю я. - Это меньше, чем я могу сделать.

- Это хорошо, Террик. Правда, хорошо. Но в какой-то момент нам придется поговорить о разнице между здоровой скорбью и одержимостью. Со временем тебе придется простить себя и двигаться дальше, и будет намного проще, если ты не будешь эмоционально привязываться к судьбе сиротки.

- Ты конечно права, - говорю я машинально. Двадцать восемь лет Селезнийских тренировок научили меня прежде всего поддерживать гармонию с друзьями и коллективом, но как я могу простить себя за то, что по моей вине обрушилось здание, унеся с собой два десятка жизней? Я натужно улыбаюсь, затем надеваю шляпу, закрывая кончики эльфийских ушей, и обматываю шарф повыше, маскируя лицо. Там, куда я направляюсь, мне потребуется анонимность. – Обещаю, это последний раз. Больше я с ней не увижусь.

- Благодарю. О, еще кое-что. Боюсь, соседи снова жалуются. – Амбреллин склоняет голову, и от резкого движения, зяблики, гнездящиеся в ветвях ее волос, взъерошивают перья. – Ты уверен, что не слышал никаких странных звуков?

- Опять «вурмовые шумы»? – Я закатываю глаза.

- Знаю, знаю. Просто они мои соседи, и, если есть какая-то проблема, я бы хотела ее решить. – Ее пальцы скользят по лакированным дверцам пассажирской кабины, которую я переоборудовал под шкаф. Она открывает их и отодвигает ногой мои старые сапоги призывателя вурмов, стоящие на нижней полке. Слой пыли уже успел накопиться на их потрепанной черной коже. Она заглядывает и за висащие боевые доспехи - остатки моей прежней жизни в качестве главного дрессировщика вурмов для Селезнийской армии, до того, как одна ошибка изменила все. – Они говорят, что не только слышали, но и видели вурма. Будто он заглядывал сквозь каменный потолок. Говорят, у него зубы с тесак мясника!

- Амбреллин, я не пытаюсь вызвать разногласие, но тебе не кажется, что, возможно, твои соседи переусердствуют в своих медитациях? Шаманы все чаще и чаще созывают всех верующих. Возможно, твои соседи видят и слышат что-то в этом их вознесенном состоянии.

Она размышляет над моими словами пару мгновений, затем наклоняется и приподнимает край простыни.

- Амбреллин, - говорю я голосом, балансирующим на самой грани вежливости и раздражения. – Я ценю твое гостеприимство, и благодарен за то, что ты впустила меня в свой дом, но неужели ты правда думаешь, что я бы смог засунуть молодого вурма под кровать?

Амбреллин опускает простынь и вздыхает. – Ты прав. Это нелепо. Кто бы в здравом уме решил держать опасное животное в общежитии?

Я киваю. И правда, кто?

Высокие темные шпили Оржовских кафедральных соборов возвышаются в туманном воздухе, сея напряжение и тревогу в сердце. Весь горизонт выглядит так, словно его вымазали копотью, сквозь которую проступают отблески лучей рыжего закатного солнца, отражающегося в острых арках витражных окон. Ощущение гнета и давления усугубляется с каждым шагом на территории картеля, но я иду с поднятой головой, сжав руки в кулаки, и смотрю прямо перед собой. Лучше бы мне свернуть на главную дорогу в паре переулков отсюда, где много фонарного света – и свидетелей – но тогда мне придется пройти мимо места, где раньше стояла Базилика Благоприятия, одна из старейших церквей Синдиката Оржов. Ну, в смысле, была, пока я не загнал под нее своего вурма, повредив несущие конструкции, и в итоге превратив все строение в груды развалин. Ее тогда как раз реставрировали, около пятидесяти рабочих меняли разбитые стекла в витражах, заделывали выбоины в каменной кладке и выравнивали окружающий грунт, чтобы

весенние паводки не стеклись к зданию и не затопили катакомбы. Иногда, когда я закрываю глаза, я все еще слышу крики из-под завалов. Уж лучше я рискну повстречаться с парой головорезов, чем вновь переживу тот день.

- Эй! – Раздается голос за спиной. Я оборачиваюсь и вижу крепкого парня в черном кожаном камзоле с несколькими нитями серебряных монет на шее. – Я смотрю ты довольно часто здесь ходишь, - говорит он, словно прожевывая каждое слово. – Не желаешь приобрести страховочку? Ну, знаешь, чтобы быть уверенным, что доберешься куда тебе надо целым и без царапин.

- Нет, спасибо, - отвечаю я, наименее агрессивным тоном. – Здесь недалеко.

- Может и так. Но все равно, никогда не знаешь, что может произойти. – Он трет кулаком открытую ладонь. – У меня самые разумные расценки.

Неожиданно, вес монет становится обузой. Он уже всматривается на оттопыренный карман.

- Все в порядке, - говорю я, - у меня с собой собственная защита. – Я открываю жакет, обнажая рукоятку на бедре.

Громила пожимает плечами. – С таким ножиком в этих местах далеко не уйдешь.

- Это не нож, - говорю я, расстегиваю кожаный ремешок и вынимаю металлические садовые ножницы. – Они разрезают любой, даже самый жесткий, зачарованный терновник. Знаешь, что зачарованный терновник может сделать с кожей?

Но он слишком сосредоточен на моем кармане, чтобы что-то ответить. Я разворачиваюсь и быстро перехожу на другую сторону улицы, но он не отстает. Я запускаю ладонь в карман на жилетке, вынимаю мешочек с семенами терновника, и рассыпаю горсть под ноги. Когда бандит, спустя пару секунд, наступает на них, я притягиваю ману, которой пропитано все вокруг, вызываю заклинание за спиной, и, повернувшись, наблюдаю, как колючие стебли прорываются из тротуара, и хватают моего преследователя в свои царапучие объятия.

Я оставляю его там орать от боли, и ускоряю шаг, пока не достигаю приюта. Это жуткое место – осыпающееся, гнетущее здание, в котором уместнее было бы переплавлять старые монеты, чем предоставлять кров детям. Но понемногу, я жертвую здесь свои жалкие заработки на помощь в улучшении условий их содержания.

Сквозь узкие проходы между домами видны развалины базилики. Я изо всех сил стараюсь не смотреть в их сторону, но, как всегда, срываюсь. Обломки башен торчат из громадного холма почерневших руин, похожих на пепелище давно погасшего костра. Все, что имело хоть какую-нибудь ценность давно разграблено. Жестоко, что Базде приходится жить здесь, на расстоянии броска камнем от того места, где погибли ее родители. Я прикусываю губу, поднимаюсь по серым, пыльным ступеням и вхожу в здание. Однажды я найду в себе смелость поговорить с ней, извиниться, но не сегодня. Погрузившись в привычные мрачные мысли, я врезаюсь в одного из здешних воспитанников с такой силой, что шарф слетает с моего лица. Я спешно пытаюсь его натянуть обратно, но слишком поздно. Он меня узнал. Мальчишка подпрыгивает и срывает шляпу

с моей головы, обнажив кончики ушей. Если у него еще оставались сомнения о том, кто я, то теперь они точно рассеялись.

- Это тот призыватель вурмов! – говорит мальчишка, бросая мою шляпу одному из своих дружков.
– Тралльский зад, который разрушил базилику! Не удивительно, что он не смотрит, куда прется!

И как нарочно, Базда стоит в зоне слышимости, маленькая для своего возраста, утопая в выданной ей серой казенной сорочке. Ее черные волосы убраны в два пучка. Она поворачивается и видит меня. Я отворачиваюсь, выискивая взглядом зрителя, чтобы отдать ему деньги и уйти, но, как всегда, никого из них поблизости нет.

- Твоим именем здесь обзываются, - сообщает мне малец. – Деньги никогда не покроют твой долг! – Он плюет на мой ботинок.

- Эй, - выкрикивает Базда, выхватывая мою шляпу из рук его приятеля, и направляясь к нам. – Оставь его в покое.

- И кто меня заставит? – дразнится задира.

Базда вытягивает шестидюймовую иглу из правого пучка волос и тычет им в пацана, останавливаясь у самого его горла.

- Да пошли вы оба, - говорит мальчишка и раздраженно убирается прочь.

Базда смотрит на меня, протягивая шляпу, затем снова закручивает распущенный пучок. – Я тебя здесь видела раньше, - говорит она. – Ты заносишь по мешку зибов каждую неделю, потом слоняешься здесь, наблюдая за мной. Это жутко. Ты что, маньяк?

- Нет! Я никакой не маньяк, - говорю я. – Я обычный парень. Спроси кого хочешь у меня дома.

Базда сжимает губы. – Маньяк именно так бы и сказал.

- Слушай, я стал причиной ужасного происшествия. Я просто пытаюсь все исправить.

- Можешь вернуть мне родителей? – спрашивает она.

- Нет, но я уверен, что они в лучшем...

- Они не «в лучшем месте», если ты это хотел сказать. Они там же, где и были, только все стало хуже, потому что теперь они призраки. Они так заняты отработкой долгов, что у них нет времени даже навещать меня. – Она скрещивает руки на груди.

- Ох.

- Кажется, тебе лучше сначала разобраться с собой, чем приходить сюда и портить тут воздух своим мрачным настроением. Что с тобой не так?

- Ничего, - бормочу я.

- Ни работы, ни жизни, ни друзей. Верно?

- У меня есть друзья, - говорю я. Меня пробирает дрожь. Странное ощущение, когда тебя допрашивает двенадцатилетка, но она имеет полное право на меня злиться. И все же, я чувствую необходимость защищать свою честь. – *Прекрасные друзья!* Саварин, он локсодон, сильный, как и все они, и совершенно бесстрашный. Келлим архитектор, проектирующий самые прекрасные святилища. Он человек, но мы на него за это не обижаемся. И Амбреллин, дриада, оценщица артефактов, специализируется на древностях. Мы встречаемся каждую неделю, чтобы...

- Погоди... она разбирается в артефактах? Типа, реально очень старых?

- Да...

Базда осматривает меня с головы до ног, потом достает из кармана тряпичный сверток. Разворачивает его и показывает мне вытесанный камень в форме полумесяца, покрытый выгравированными золотыми символами. Даже я вижу, что предмет очень древний. – Папа отдал мне его за пару дней до гибели. Он нашел его в базилике во время реставрации. Хочу узнать, что это.

- Могу показать Амбреллин, если хочешь. Уверен, она не откажется помочь. – Даже под весом унылости этого здания и уныния в моем сердце, я чувствую шанс искупления. Можно лишь догадываться, что этот артефакт значит для Базды, возможно, это последняя вещь, которую дал ей ее отец.

Она поднимает бровь. – Могу ли я верить, что ты мне ее вернешь?

- Даю слово, что верну его тебе в целости, - заверяю ее я. – Клянусь корнями Виту-Гази.

Леса Селезнии приветствуют меня дома, и как только мирные звуки природы проникают в мой разум, тяжесть Синдиката Оржов спадает с мышц. Плечи расслабляются, кулаки разжимаются. Вечерние службы в разгаре, и я прохожу мимо нескольких шаманов, взывающих к силе собравшихся верующих для зачарования каменных печатей с выгравированным на них священным символом Конклава.

Уже у самого дома у меня возникает тревожное чувство преследования. Это может быть любой из оржовских уличных разбойников, пытавшихся стясти с меня плату за страховку на обратном пути из приюта. Я швыряю на землю еще одну горсть семян и заворачиваю за угол. Произношу заклинание, но, кажется, мой преследователь обошел колючие ростки, поскольку звук его шагов все еще приближается. Я тяну руку к садовым ножницам, как запасному оружию, но кожаные

ножны пусты. Я поднимаю взгляд в тот момент, как преследователь выходит из-за угла, и с облегчением выдыхаю. Это Базда.

- Это ищешь? – спрашивает она, держа в руке мои ножницы.

- Ты маленькая воровка! – Говорю я, выхватывая их. – Откуда они у тебя?

- Ты думал, я поверю слову маньяка? Я отдала тебе свою ценность. Справедливо взамен прихватить твою.

- На. Тогда забирай свой артефакт и иди домой. Я не стану потакать детской преступности!

- Домой? Никто в приюте даже не заметит, что я ушла, и уж точно никому до этого нет никакого дела. И кроме того, ты бы отправил меня на ночь глядя бродить по улицам? Одну?

- Я видел, как ты орудуешь своими заколками. Все с тобой будет в порядке.

Базда складывает руки на груди. – Возможно. Но мне все же хочется узнать побольше об артефакте. Ты здесь живешь? – спрашивает она, разглядывая наше общежитие, сочетание гладкого белого камня и многоярусных садов, верхние из которых были спроектированы лично Садруной, автором знаменитой резной рощи. – Не многовато веток и листьев?

- Это же Селезня, - бормочу я. – Ну, что, пошли наверх?

Мы проходим сквозь сады, вверх по каменным ступеням, через два атриума, мимо открытых дверей местных жителей. Соседи снизу машут мне, я машу в ответ и ускоряю шаг, чтобы в очередной раз не нарваться на вопросы о вурмовых шумах.

- Почему в вашем доме нет дверей? – спрашивает Базда.

- Зачем они нам?

- Чтобы не заходил кто попало.

- В нашем доме рады всем.

- Ну да, - говорит Базда, шаря глазами вокруг, - но что, если кто-нибудь попытается что-нибудь украсть?

- Об этом мы не волнуемся, - говорю я, пока мы взбираемся на последний лестничный пролет. Здесь легко забыть о том, что большая часть Равники сосредоточена на личных желаниях и корысти.

Открытый переход между строениями открывает потрясающий вид на город. Солнце только село за горизонт, и его последние лучи озаряют отдаленные темнеющие силуэты раскидистых, высоких святилищ. Справа, где ночной мрак уже опустился на город, ветви Виту-Гази горят гирляндами

светляков. Мне не терпится показать артефакт Амбреллин, но я замедляю шаг, чтобы Базда успела насладиться всей этой красотой. Наконец, она немеет от восхищения.

- Пошли, - говорю я и тяну ее сквозь арку из сплетенных ветвей, служащую входом в наше жилище. – Амбреллин, - выкрикиваю я. – Хочу тебе кое-что показать!

Амбреллин встречает меня с широкой улыбкой. – Террик! Никогда не догадаешься, кто у нас в гостях... - Она запинаясь, заметив Базду. – О, здравствуй, милая. Добро пожаловать в наш дом. Я Амбреллин. – Она опускается в реверансе, и ветви ее волос едва не касаются пола. Ее зяблики, радостно чирикавая, порхают вокруг Базды.

- Я Базда, - говорит Базда, мило приседая в ответном реверансе.

Амбреллин мельком переводит взгляд на меня, безмолвно требуя объяснений без того, чтобы показаться грубой перед юной гостьей.

- Все нормально, - говорю я ей. – У нее есть артефакт, который она хотела бы тебе показать. Может, ты сможешь что-нибудь о нем рассказать?

Амбреллин берет из рук Базды завернутый в ткань предмет, осторожно раскрывает уголки ткани, и ахает, увидев таинственный артефакт.

- Папа нашел эту штуку во время раскопок у базилики, - говорит Базда. – она старая?

- Очень. Такие золотые символы я раньше встречала на древних Иззетских механизмах, созданных много тысяч лет назад, когда они еще плотно работали над рудой и мановыми проводниками. Это редкость сама по себе, но еще более странно то, как он в итоге оказался погребенным под оржовской базиликой.

- Стоит каких-то денег? – спрашивает Базда.

- Он бесценен, - со вздохом отвечает Амбреллин.

Базда качает головой. – У всего есть цена.

- Я завтра же поговорю с магистратом маклеров, и мы выясним, какой гильдии он принадлежит по праву, - говорит Амбреллин. – Это явно лишь малая часть чего-то гораздо большего.

- Возможно, кто-то уже нашел остальное, - говорю я.

- Сомневаюсь. Слухи в среде античных брокеров разлетаются быстро. Я бы точно *что-нибудь* об этом слышала.

- Террик! – Слышится голос из столовой, и к нам выходит Саварин с радостно приподнятым хоботом и распростертыми руками. – Мир и покой тебе, друг мой.

- Мир и покой тебе тоже, - говорю я, осторожно маневрируя между его бивнями, и утопаю в теплых объятиях друга. – Как дела? Почти неделю не виделись!

- Мы с Келлимом как раз зашли поделиться благостными новостями. Меня повысили. Тренировочный полигон Касарны достиг своего предела, так что планируется открыть новый полигон на другом краю Леса Северной Гряды. Я там буду управляющим, а Келлима наняли проектировщиком.

- Поздравляю, - говорю я. – Северная Гряда? Дорога будет уйму времени занимать! Час только уйдет на то, чтобы центральную площадь перейти.

Саварин нервно переглядывается с Амбреллин. После долгой, задумчивой паузы она кивает.

- Мы не будем туда ездить, - говорит Саварин. – Мы переезжаем, чтобы быть поближе к...

- Переезжаете! – Вырывается крик у меня из глотки. Я прикусываю губу и стараюсь оставаться добрым Селезницей, игнорируя боль, разрывающую мое сердце, и хватаясь за обрывки безмятежности в душе. – То есть, переезжаете. Конечно же, для вас это было бы гораздо удобнее. – Я улыбаюсь с таким усилием, что зубы вот-вот раскрошатся от напряжения. Наконец, я больше не могу это выдержать и убираюсь прочь в свою комнату.

- Террик, - говорит Амбреллин, осторожно входя ко мне, пока остальные толпятся у прохода. – Все будет хорошо. Мы сможем приехать к ним, когда захотим.

- Знаю. Но это будет уже не то. – Наша команда разваливается. Эта новость кажется мне тяжелее, чем потеря работы и утрата репутации. Я не могу позволить нашей дружбе вот так закончиться.

- Как на счет одного, последнего совместного приключения? - спрашиваю я. – Прежде чем все разъедутся во всей Равнике.

- Прекрасная мысль, - говорит Амбреллин. – Можем прогуляться по садам с постриженными деревьями на следующей неделе. Возьмем с собой еду и...

- Это всего лишь пикник. А я хочу сделать что-то, о чем мы всегда будем помнить. Думаю, нам надо сходить, разузнать, что еще скрывается под той базиликой. Почему бы нам не стать первооткрывателями?

Амбреллин качает головой, затем присаживается на краешек моей кровати. – Такие древности обычно погребены очень глубоко. К тому же, как только мы начнем копать, на нас сразу же ополчится весь Синдикат Оржов.

- Как насчет вурма? – спрашиваю я. – Мы сможем нырнуть под землю на любую глубину. И копать не надо. – Я произношу заклинание призыва - звук, похожий на свист для человеческого уха, для вурма подобен яркому лучу маяка. Матрас под Амбреллин приходит в движение, и она подскакивает от неожиданности, наблюдая за тем, как бугрится и колыхается кровать.

- Значит, ты *все-таки* прятал вурма под кроватью! – Воскликает она.

Я качаю головой. – Не совсем. Вурм – это *и есть* кровать. – Простынь отброшена в сторону вместе с плотным слоем пледов, прикрывавших деревянные доски. – Без паники, - говорю я, пока вурм разворачивает переплетенные с покрывалами кольца могучего тела. Это самка и она не сводит с меня крошечных глаз, ее пасть распахнута, и слюна капает с бесконечных рядов острых, как бритва зубов. – Хорошая девочка, - говорю я, подбрасывая кусок вяленого мяса ей в пасть. Она еще совсем молода, чуть больше года, и уже тонна чистых мускулов.

- Ничего себе... - говорит Базда, подходя ближе. – Можно ее погладить?

- Конечно, - отвечаю я.

- Конечно, нет! – говорит Амбреллин, оттаскивая ее назад.

- Она безобидна, - говорю я. – Во всяком случае для друзей. Я ее вырастил с самого вылупления.

- Поверить не могу, что ты прятал эту тварь в моем доме! – Негодует Амбреллин, с неподдельным раздражением в голосе. – И теперь ты еще хочешь, чтобы мы отправились с тобой в один из самых неблагоприятных районов Равники, на поиски сокровищ со сбежавшей из приюта сиротой.

- Я пойду, - говорит Саварин. – Террик прав. Крупное объединяющее событие в форме приключения послужит позитивной переходной основой для дружбы на расстоянии.

- Я тоже пойду, - вторит ему Келлим. – Должен признать, мне любопытно, что может быть зарыто под тем зданием. Ну же, Амбреллин. Сама же знаешь, Иззеты пустят этот артефакт на запчасти к какому-нибудь большому, усовершенствованному изобретению, а Оржовцы просто продадут тому, кто больше предложит.

Амбреллин с блеском в глазах смотрит на артефакт. – Ладно, сходим, посмотрим. *Только* посмотрим. Если что-то покажется опасным, мы сразу же уйдем.

Я улыбаюсь. – Первые признаки неприятностей, и мы сваливаем оттуда, обещаю.

Вурм прорывает нам путь сквозь окаменевшую почву, инфразвуковые частоты временно расплавляют камни, позволяя нам избежать вечерних пробок и столкновений с бандами оржовских вымогателей. Я экипирован до зубов в униформу призвателя вурмов, ее гальваническое покрытие защищают меня от ожогов окружающей нас расплавленной магмы. Остальные набились в укрепленную и изолированную пассажирскую кабину, ранее служившую моим шкафом.

Мы приближаемся к руинам рухнувшей базилики, но вурм вдруг отклоняется от цели и поднимается на поверхность. Я натягиваю ее поводья, направляя ее вглубь, но она отчаянно сопротивляется. Я почесываю ее за ушной впадиной. Она урчит и немного успокаивается, хотя по ее напряжению видно, что она все еще не готова рыть глубже. Но это и не важно, поскольку она уже доставила нас к вытянутому прямоугольному залу катакомб под развалинами базилики.

- Что с тобой, малышка? Тебя что-то напугало? – я поглаживаю мордочку вурма и кормлю лакомством, пока остальные выходят из кабины. Саварина сильно укачало, и если вам никогда прежде не доводилось видеть рвотные позывы локсодона, то благодарите судьбу. Келлим очарован каменными изваяниями гигантов, подпирающих свода сводчатый потолок, словно удерживая его от обрушения прямо на нас. Трещины паутиной покрывают их каменные тела, очевидно, из-за обрушения здания на поверхности, но Келлим не особо взволнован их целостностью. Амбреллин поражена тысячами керамических урн, выставленных в нишах с обеих сторон от статуй и украшенных золотыми монетами.

- Базилика Благоприятия была построена много тысяч лет назад, но эти катакомбы еще старше, - говорит она, в благоговении осматриваясь по сторонам. – Некоторые из этих урн могут быть едва ли не... - она замолкает, заметив что-то у дальней стены зала, и направляется туда, ускоряя шаг. Мы следуем за ней.

Это очередная каменная статуя, на этот раз изображающая тралла, сидящего на корточках, покорно склонившего голову и держащего чашу на вытянутых руках. Чаша покрыта слоями пыли, но я чувствую, как из нее струится мана. Это артефакт. Амбреллин сдувает пыль, обнажая аккуратно вырезанные пиктограммы с изумрудами, инкрустированными по краю сосуда. Она осторожно пытается вынуть артефакт из рук статуи, проворачивая его из стороны в сторону. Неожиданно, вся статуя кренился назад, и скрывается в стене, увлекая Амбреллин за собой.

Келлим стоит рядом и успевает ухватить Амбреллин за ногу, но и его затягивает в непроглядную темноту. Саварин крепко держит его мясистыми руками, а мы с Баздой помогаем ему сохранить равновесие. Совместными усилиями мы тащим, тащим, тащим, и почти вытаскиваем Амбреллин, но от напористости нашей спасательной операции пол вокруг статуи покрывается трещинами, и начинает осыпаться. Я бросаю взгляд в сторону вурма и быстрым заклинанием призываю ее к себе. Она достаточно сильная, чтобы вытащить всех нас.

Надеюсь.

Но она не откликается. Я подзываю ее свистом, но она щетинится, мотая головой, словно пытаюсь сбросить сбрую. – Ну же, милая! У меня для тебя есть немного вяленого мяса.

Она медленно ползет вперед с ужасом и паникой в глазах, но на расстоянии вытянутой руки от меня не выдерживает, бросается назад и вверх, сквозь потолок. Камни плавятся, и, взмахнув хвостом, она исчезает в толще почвы, вновь затвердевшей спустя пару мгновений. Я зову ее снова и снова, но ее явно что-то сильно напугало, и она не возвращается.

В следующий миг пол под нами рухнет, и мы валимся вниз, вслед за ним.

Мы откашливаем пыль пять минут к ряду, но потери составляют лишь пара ссадин на ребрах, расколотый бивень и уязвленная гордость. Мы упали на пятнадцать футов, может, двадцать, и оказались в каком-то коридоре. Я ужасно себя чувствую и наколдovываю целебное заклинание широкого действия, чтобы помочь с царапинами и ушибами. Я обещал, что мы уйдем при первых признаках опасности, и вот, взгляните на нас. Мы застряли.

- Это займет некоторое время, но если мы сложим обвалившиеся камни, то сможем соорудить лестницу наверх, - говорит Саварин, поднимая валун с такой легкостью, словно тот заполнен воздухом.

Я поднимаю камень менее внушительных размеров и кладу его рядом с первым. – Похоже на отличный план.

Амбреллин вонзает в меня гневный взгляд, безошибочное «Я так и знала» формируется на ее губах. Но даже находясь совершенно не в своей тарелке, она продолжает придерживаться гармоничных догматов Конклава. – Да, - произносит она, стараясь не превратить улыбку в оскал. – это действительно хороший план.

- Ты злишься на меня, - говорю я ей. – Я понимаю. Ты всегда была воплощением доброты, а я – сплошное разочарование.

Кора у ее висков морщится так сильно, что оттопыривается по краям. – Я не злюсь.

- Совсем ни капельки? Я знаю, мы ценим безмятежность и священность дружбы, но, если тебя что-то беспокоит, нужно об этом говорить. Последние три месяца я жил в твоём доме, ел твою еду, тайно укрывал вурма и пугал соседей, возможно даже, типа похитил ребенка, и затащил тебя под обрушенное здание посреди территории Синдиката Оржов...

- Ладно, да, я на тебя злюсь, ты доволен? – Амбреллин подходит ко мне и тычет пальцем в нагрудник. – Мы терпеливо ждали, когда ты достигнешь своего дна, чтобы мы смогли помочь тебе восстановиться, но вместо этого, ты умудрился утянуть нас всех за собой! На всех наших встречах мы стараемся не ранить твои чувства, но тебе плевать на наше сострадание, и теперь Саварин и Келлим уезжают, потому что находиться с тобой уже просто невыносимо! – Она замолкает, смотрит мне в глаза с явным ощущением облегчения, которое, впрочем, быстро сменяется сожалением.

- Они уезжают из-за меня? – переспрашиваю я.

Амбреллин качает головой, шурша листьями. – Прости, Террик, я не хотела...

- Нет. *Это вы* меня простите, - говорю я. Мне казалось, я мог положиться на них, но, видимо, в таких ситуациях друзья и познаются. – Позаботьтесь о Базде. Верните ее в приют. Не

беспокойтесь, больше я вас за собой не потяну. Я разворачиваюсь и удаляюсь в темном коридоре, один, не считая дюжины горгулий, сидящих в нишах по обе стороны от прохода, с широко распахнутыми ртами и слепо закатанными вверх глазами. Они спят так веками, может, тысячелетиями, но я все же не рискую будить их. Вина глохнет мой мозг. Я втянул друзей в этот кошмар, и должен помочь им найти отсюда выход, но на данном этапе, я не уверен, что своими действиями не ухудшу и без того тяжелое положение. Поэтому я продолжаю удаляться от них, пока не подхожу к лестничному колодцу, ведущими в глубины катакомб.

Я делаю один нерешительный шаг вниз, затем еще один, и вдруг чувствую знакомый густой запах вурмовой слюны, самого ценного удобрения селезнийских садовников. На мгновение меня переполняют мысли о прежней жизни, пеших прогулках по лесам поздней осенью, раскопки в черноземе в поисках полупрозрачных вурмовых коконов, величиной с кулак локсодона, внутри этих коконов виднелись закорючки пяти-шести тел крошечных вурмышей. На протяжении всей своей карьеры я надрессировал сотни вурмов, вырастив из них громадные боевые орудия, охраняющие наш жизненный уклад, но то время в лесу всегда было самой любимой частью моей работы, когда в моих ладонях помещалась вся их потенциальная мощь, когда их судьбы были еще не предначертаны.

Приятные ощущения рушатся в дальних уголках моего сознания, когда я добираюсь до подножья лестницы, заглядываю за угол, и вижу трех взрослых вурмов, разбивающих дозвуковыми залпами стены подземного зала. Призраки, неподверженные вибрациям, выгребают расплавленную породу, прежде чем она успеет вновь затвердеть.

В центре зала расположен круглый каменный механизм с длинным рычагом, торчащим на уровне человеческой груди, нечто похожее на древний отжимной пресс, покрытый символами, подобными тем, что украшают артефакт Базды. Явно, Иззетские технологии, о которых говорила Амбреллин. Медные монеты гурдами лежат вокруг механизма. Тучный мужчина с обезумевшим от гнева взглядом дирижирует работягами. Он одет в белую мантию с черной тесьмой, хотя клубы пыли уже окрасили его пышные одеяния оттенками серого. Оржовский Понтифик, если я правильно помню их классификацию рангов. На потертом ремне, перекинутом через плечо толстяка, висит потрепанный фолиант в кожаном переплете, а рядом, тенью следуя за хозяином, пресмыкается мелкий тралл.

- Быстрее! Он должен быть закопан где-то здесь, - прикрикивает понтифик, тыча в одного из вурмов своим скипетром, украшенным острыми лучами из драгоценных камней и янтаря. Вурм взывает от боли, и я чувствую его страдания собственным сердцем. Вой, подобный этому, слышен в радиусе полумили. Теперь понятно, чего так испугалась моя подопечная.

Массивная ладонь Саварина опускается на мое плечо, отталкивая назад. – Этот парень не похож на того, кто дружелюбно относится к непрошеным гостям, - шепчет он. – Пошли. Амбреллин хочет извиниться, а потом вместе выберемся отсюда.

Еще один хлопок по моему другому плечу. Правда на этот раз, это явно не дружеская рука Саварина. Я не решаюсь повернуть голову. Судя по взгляду Саварина, я даже представить не могу, что за полу-дохлая оржовская тварь в меня вцепилась.

- Это... это... это... - заикается Саварин, позабыв про шепот. Мой взгляд падает на горгулью, сидящую за его спиной. Кажется, она пошевелилась. – Это...

До моего уха доносится писк. Я поворачиваю голову и выдыхаю. – Это всего лишь крыса.

Я стаскиваю ее с плеча и показываю Саварину. Он закрывает ладонями рот, пытаюсь подавить крик, но небольшой трубный звук, преисполненный ужаса, раздается из его хобота. Теперь горгулья за его спиной открывает глаза. Она видит нас и начинает вопить. В следующее мгновение все горгульи заливаются оглушительными воплями, эхом прокатывающимися по всем катакомбам. Едва мы успеваем опомниться, как оказываемся в плотном кольце призраков. Понтифик протискивается к нам, раздраженно расталкивая подопечных.

- Духи праведные, что у нас здесь? – произносит он.

- Похожи на вторженцев, Хозяин, - говорит тралл, стараясь не отставать от понтифика. Он произносит слова с гортанным, влажным хрипом, вполне ожидаемым от твари, слепленной из мертвой плоти.

- А какова плата за вторжение в эти священные катакомбы?

- Двадцать тысяч зибов, Хозяин, - потупив взгляд, отвечает один из призраков. – Или десять тысяч часов принудительных работ.

- Полагаю, у вас нет при себе двадцати тысяч зибов, - говорит понтифик, и указывает на меня своим скипетром. Его янтарное навершие загорается, и все мои пожитки выплывают из карманов. Зачарованные семена, садовые ножницы, и пара монет.

- Это мое, - говорю я ему.

- Увы, но Синдикат Оржов считает, что обладание - девяносто-девять процентов закона. И теперь всем этим обладаю я. – Он передает скипетр и все мои вещи траллу, затем открывает фолиант и перелистывает десятки подписанных контрактов, пока не добирается до чистой страницы. Он стучит пальцем по пергаменту, и на нем начинают проступать слова, диктующие условия моего порабощения, место для подписи, и дата. – Подпиши, или пойдешь на корм вурмам.

Корм вурмов кажется мне предпочтительнее, но я подписываю поддельным именем и надеждой на лучшее, зная, что остальные слышали вопли горгулий, и осведомлены об опасности. Я знаю, что Амбреллин сердится на меня, но у нашей дружбы крепкие корни, и она не остановится ни перед чем, чтобы найти способ освободить нас.

Как только Саварин также подписывает контракт, понтифик вручает нам по ведру и приказывает приступить к работе.

Призраки словно позабыли, что живым нужны перерывы на отдых, и набирают ведра раздробленной почвы быстрее, чем мы успеваем их оттаскивать. Я несу по ведру в каждой руке, спускаясь по короткому коридору, ведущему в очередной зал катакомб. Стены здесь заполнены полками с аккуратно разложенными костями и черепами с монетами в глазницах, согласно погребальным традициям минувшей эпохи. Круглый зал окружен статуями, среди которых я различаю очертания людей, траллов, и даже одной вампирши с обнаженными клыками. В центре зала зияет зловещая дыра, уходящая в забытые глубины истории Равники. Сюда мы скидываем щебень. Я набираюсь смелости заглянуть в кромешную тьму, прикидывая, насколько там глубоко, и убьет ли меня падение, или же лишь покалечит, оставив жить с переломанными костями и сожалениями.

- Здесь задерживаться нельзя, - произносит женский голос привидения у меня за спиной. Она выливает в дыру содержимое своего ведра – слюна вурма, тошнотворно темная с желтоватой пеной. Явный признак душевного и физического расстройства.

- Виноват, - говорю я, возвращаясь вместе с ней. – Так, что этот механизм вообще делает?

Она оглядывается по сторонам, затем произносит настолько тихим и скрипучим голосом, что у меня по коже пробегают мурашки. – Он чеканит золотые монеты из меди, это иззетское изобретение, выкраденное прапрадедом Хозяина двенадцать поколений назад. Он использовал его, чтобы накопить огромное состояние, позволившее ему войти в ряды элиты гильдии. Маленькая грязная семейная тайна.

- Но в нем недостает детали, - говорю я, и тут же жалею о сказанном. Но вместо подозрений со стороны призрака о том, откуда мне это известно, у меня создается впечатление, что она мучается чувством вины. Каким-то непостижимым образом, несмотря на свою призрачность, ей удастся заметно побледнеть. – Вы знаете, где эта деталь, верно? – спрашиваю я.

Она быстро качает головой, но я начинаю замечать... схожесть очевидна. То же мышинное лицо и худощавое телосложение, темно-серые волосы, которые, скорее всего были черными при жизни. – Вы мать Базды?

- Прошу тебя, мы и так слишком задержались! – Она быстро удаляется, и я бегу за ней.

- Она скучает по вас. Она здесь, в зале над нами. Давайте улизнем отсюда, когда понтифик отвернется.

- Не получится, мы скованы контрактом. Магия закона затащит нас обратно, если мы отважимся на побег.

- Кадын! Завора! Где вас носит?! – Выкрикивает понтифик, завидя нас. Он передает скипетр своему траллу, затем раскрывает свой фолиант с контрактами. – По одному дню добавляю к вашим долгам. – Завора ставит крошечную засечку в длинной череде похожих отметок. Понтифик перелистывает книгу, и останавливается на моей странице. Я чувствую давление магии закона, заставляющей мою руку поставить отметку.

- Их у тебя еще будет много впереди! – Смеется понтифик.

Я напрягаюсь, и внезапно осознаю вес подписанного контракта. Я буду у него в долгу всегда, и даже смерть, особенно смерть, не освободит меня, если я не сделаю что-нибудь прямо сейчас. Я хватаю книгу, и бегу к Саварину, несущему по три полных ведра в каждой руке. Он роняет их, когда я швыряю ему фолиант. – Порви его! – Кричу я. – Разорви, и мы все освободимся.

Саварин повинуетя, и его громадные руки ломают жесткий переплет книги, пока я удерживаю понтифика. Следом рвутся страницы, и вскоре книга превращается в грудку мелких обрывков пергамента. Мне кажется, я чувствую, как оковы контракта ослабевают.

- Да кто ты такой, «Кадын»? – Спрашивает понтифик, пристально всматриваясь мне в глаза, словно узнав меня. – И что ты здесь делал?

- Никто и ничего, - отвечаю я.

- Хмм. Это мы еще посмотрим. – Он выхватывает скипетр у своего слуги, и царапает янтарным наконечником на полу круг вокруг меня. Неожиданно я выпрямляюсь в струну и мой язык, словно, превращается в орудие. – Я спрошу еще раз. Кто ты и что ты здесь делаешь?

- Меня зовут Террик, и мы с друзьями спустились сюда в поисках сокровищ, которые бы скрепили наши отношения после того, как я все уничтожил, направив вурма под эту самую базилику, из-за чего она и обрушилась! – Я не собирался говорить ни слова из этого, но он подверг меня мощному заклинанию истины, и я был не в состоянии удержать собственные слова. Но в одну мысль я вцепился изо всех сил - наш единственный козырь, что у Базды с собой была недостающая деталь механизма. Я медитирую, окружая эту мысль ментальной броней.

- А я смотрю, знакомое лицо, - говорит понтифик. – Можешь облегчить свою совесть, Террик. Ты со своим вурмом просто оказался не в том месте, не в то время. Похоже, меня немного занесло с раскопками, и мы выбили пару опорных свай, которые не стоило трогать. Но приятно знать, что с тобой здесь друзья. У меня найдется работа для каждой пары рук.

Понтифик посылает группу призраков привести моих друзей, затем взмахивает скипетром, оставляя в воздухе след серого дыма. Дым опускается на землю, обволакивая разорванные клочки пергамента и кожаного переплета зловещим сияющим туманом. Затем понтифик наклоняется и вынимает из тумана восстановленный фолиант со всеми страницами.

Он смотрит на меня и ухмыляется. – О, ты будешь в долгу у моей семьи долгие века.

Мой желудок сжимается, когда призраки возвращаются, толкая перед собой Амбреллин, Келлима, и Базду. Глаза друзей расширяются при виде вурмов и механизмов. Базда вырывается из рук призраков и бросается ко мне с объятиями.

- Все в порядке, - успокаиваю я ее. – Мы выкрутимся.

- Иди сюда, - говорит понтифик, оттаскивая Базду от меня. – Посмотрим, что тут у нас. – Он машет скипетром в сторону Амбреллин, но у нее нет при себе ничего ценного для понтифика, все ее украшения, это ветви, ниспадающие до плеч и ожерелье из осенних листьев. Он забирает кинжал Келлима, и в итоге поворачивается к Базде. Я закрываю глаза. Сейчас он найдет артефакт, и его механизм будет восстановлен, и пользы от нас уже не будет, но он никогда не отпустит нас, зная, что нам известно.

- Подписывайте, или пойдете на корм вурмам, - говорит понтифик моим друзьям.

Я открываю глаза, и вижу, как он передает свой скипетр траллу, у которого в руках лишь кинжал и заколки Базды. Где они спрятали артефакт? Базда кивает мне, я опускаю взгляд и замечаю оттопыренный участок брони, которого только что не было. Я осторожно прощупываю его края в форме полумесяца с отверстием внутри. Ее ловкие воровские ручонки подкинули его мне совершенно незаметно.

- Хозяин! – Выкрикивает один из призраков. – Тут вурм не шевелится.

Понтифик вновь выхватывает скипетр и гневно направляется к вурму, обмякшему на холодном каменном полу. Он вонзает острый наконечник в тело обессиленного животного, и янтарное навершие загорается, нанося вурму разряд болевой магии. Он коротко вздрагивает, черная паутина расползается по бледной коже. Понтифик бьет его еще раз, но на этот раз вурм уже не реагирует.

- Что вы все вытарацились? – кричит понтифик. – У нас все еще есть два вурма. Найдите недостающую деталь до конца дня, или я год добавлю к каждому долгу!

Как только понтифик уходит, я подбегаю к вурму и прощупываю пульс за челюстью, толчки еле ощутимы. Глаз животного поворачивается в мою сторону, и я читаю во взгляде, что вурм меня узнает. Темная, густая слеза стекает по его морде. Он один из моих, я уверен. Остальные, возможно, тоже. Но это не важно, потому что в любом случае понтифик дорого заплатит за это.

- Не задерживайся, - снова раздается голос матери Базды. Ее ведро уже наполнено вурмовой слюной. Я поднимаю пару ведер с гравием и быстро иду за ней, пока мы не доходим зала с ямой, подальше от пытливых ушей.

- Мэм. Мне нужна ваша помощь, - прошу я ее. – У меня есть план, как освободить вас, меня, и всех остальных. Все, чего я прошу, это две простые вещи...

Мать Базды стоит у края ямы посреди зала, всматриваясь в ее темные глубины. Понтифик стоит рядом с ней, тоже смотря вниз.

- Он просто прыгнул, - говорит она. – Думаю, работа была для него слишком тяжелой. Вы же знаете этих эльфов.

- Жаль, - говорит понтифик. – Но, по крайней мере, у меня все еще есть локсодон. Он однозначно работает лучше. – Он передает скипетр траллу, как он делает всегда, прежде чем открыть книгу с контрактами, и пролистывает до пергамента с моей подписью. Понтифик поднимает руки и произносит заклинание. В этот момент я нахожусь настолько близко к нему, что мне видно, как на листе проступает дата окончания срока действия контракта, но, тем не менее, толстяк меня не замечает.

Первое, о чем я попросил мать Базды, было привести понтифика сюда и сказать, что я прыгнул в яму. Другого входа или выхода из зала не было, поэтому у него не могло возникнуть сомнений о том, куда я мог еще деться.

Второе – одолжить мне ведро с вурмовой слюной. Я вымазался ею с головы до пят. Не могу сказать, что ощущения были приятными, но зато я стал достаточно липким, чтобы удерживать на себе щебень и каменную крошку. После второго применения я уже мало чем отличался от остальных статуй в зале. Я принял позу и стал ждать.

И вот теперь настал мой шанс. Я набрасываюсь на понтифика и одной рукой выхватываю книгу. От неожиданности, он падает на пол. Я хватаю его и тащу к яме. Он упирается, но я всю жизнь провел верхом на животных в тысячу раз крупнее его, и с небольшим усилием сталкиваю его в темнеющую дыру. Спустя четыре секунды до меня доносится влажный шлепок и хруст костей. Я морщусь, и начинаю спешно вырывать из книги контракт за контрактом. Не отрываясь от фолианта, я оборачиваюсь в сторону тралла, все еще стоящего у края, со скипетром в руках.

- Давай, - говорю я ему. – Помоги мне, и мы все будем свободны. Включая тебя! Без своего скипетра он уже не сможет восстановить эту книгу.

Тралл медленно поворачивает голову в мою сторону. Из глубины ямы доносятся стоны понтифика. Лицо тралла озаряется, и прежде чем я успеваю остановить его, он бросается вниз, к хозяину. Спустя пару мгновений я слышу звуки рвущихся мышц и сухожилий. Кромешный мрак озаряется мелькающим янтарным огнем, знаменующим омерзительные плотские заклинания понтифика.

- Изменение плана, - говорю я матери Базды, и бегу в сторону остальных невольников. Я вытаскиваю артефакт из-под доспеха и передаю его Амбреллин. – Как думаешь, сможешь запустить этот механизм? – спрашиваю я ее.

- Думаю, да, - отвечает она. – На нем мощные чары, но механика простая. Нужно только хорошенько подтолкнуть.

- Я сделаю, - говорит Саварин, напрягая мышцы. Спустя десять минут, недостающая деталь вставлена на место, Келлим и Базда засыпают в воронку медные монеты, Саварин проворачивает тугой рычаг по кругу, и когда верхний камень трется о нижний, из механизма вылетают лиловые искры, и волосы на моих руках встают дыбом. Я все время оборачиваюсь, ожидая появления понтифика, но проход в соседний зал остается беззвучным. Первая золотая монета выкатывается из желоба, и я ловлю ее налету. Прикусываю. Похоже, настоящая. Высыпается еще дюжина, затем пятьдесят. Призраки отсчитывают их ведрами по пятьсот зино в каждом.

Я спрашиваю у каждого, сколько они должны, и делю деньги, готовясь выкупить их свободу. Все замирает, когда я слышу приближающиеся цокающие шаги. Спустя пару минут, в зал входит понтифик, одна его рука висит ниже второй, а челюсть сильно выпирает вперед. Синевато-серая плоть мелькает под его мантией при каждом шаге, и до меня не сразу доходит, что он облепил тралом сломанную ногу, и лицо его слуги теперь замещает понтифику ступню, цокая золотой маской о каменный пол.

- Все кончено, - говорю я ему, ставя к его ногам ведра с золотом. – Я выплачиваю тебе все наши долги. Мы больше не связаны твоими контрактами. – И с этими словами я чувствую, как оковы магии закона ослабевают.

- Нет! – кричит он, захлебываясь от злости. – Механизм мой. Эти монеты принадлежат мне! У вас нет на них прав!

- Вообще-то есть. Как ты сам и сказал. Обладание - девяносто-девять процентов закона. – Ухмыляюсь я.

Базда машет ему, сидя верхом на отжимном прессе.

- Я начеканю больше денег, - рычит понтифик. – Денег для Синдиката. Денег для войн. Все остальные гильдии падут, начиная с Селезнии.

- Мы, пожалуй, пойдем, - говорю я, кивая в его сторону. – Было приятно иметь с тобой дело.

И с этими словами призраки начинают вытягиваться, их эфирные тела вдруг становятся невесомыми, и они исчезают в каменных сводах. Мы с друзьями поднимаемся по лестничному колодцу в верхние катакомбы, где нас ждут недостроенные ступени из обломков обрушенного перекрытия.

Я издаю пронзительный свист, призывая оставшихся вурмов, в надежде, что они не забыли годы дрессуры. Они появляются почти моментально. Я снимаю защитный доспех и передаю его Базде. – Ну-ка, надень. Будет довольно жарко.

Амбреллин смотрит на меня. – Ты собираешься вывезти нас отсюда верхом на вурме? Без защиты? Мы же расплавимся!

- До поверхности не далеко. Пять, десять секунд максимум.

- Пять секунд под потоками раскаленной магмы.

- Или десять, - напоминаю ей я. – Поодиночке мы не выберемся, но, если вместе наложим целебные заклинания, объединим их в нечто большее, действующее на всю группу, думаю, мы справимся.

- Я верю в Террика, - говорит Саварин. – Думаю, это хороший план.

- Согласен, - говорит Келлим.

- И я! – выкрикивает Базда из-под складок моего доспеха.

- Это хороший план, - соглашается Амбреллин.

Мы все залазим на спину вурма, я поглаживаю и ободряю ее, надеясь, что перенесенные издевательства не притупили ее память о базовых командах. У меня все еще осталось несколько кусков вяленого мяса, и я бросаю один ей в пасть. – Давай, милая, вперед.

Я подаюсь вперед, не торопясь, словно обучаю новорожденного вурмыша, несмотря на то, что именно времени у нас сейчас как-раз мало. Она проползает пару метров, набирается уверенности, и постепенно между нами возникает доверие. Она ползет вверх, сквозь провал, в верхние катакомбы, где мы высадились изначально, и к тому времени, как мы достигаем дальней стены, она уже движется равномерно и решительно. – Пора. Начинайте заклинания, - говорю я и торможу вурма, направляя ее в сторону потолка. Исцеляющая аура окутывает всех нас, друзья медитируют изо всех сил, и я даю вурму команду прыгать вверх. Жар бьет мне в лицо, обжигает, но я держу курс, и вскоре, пелена расплавленной почвы разверзается, и холодная сырость ночной Равники остужает наши раны. Никогда в жизни я бы не подумал, что буду так радоваться закопченному воздуху Сендиката Оржов.

Два призрака сидят неподалеку, ожидая нас. Базде потребовалось некоторое время, прежде чем понять, что к чему. – Мама? Папа? – обращается она к ним. Отважная девчонка, в которой я не замечал ни грамма нежности, заливается слезами. После оплаты всех долгов осталось немного денег. Я отдаю их Базде.

- Это вам на новую жизнь вместе, - говорю я.

- Спасибо, - отвечает Базда. – Но тот жирдяй. Он же и дальше будет использовать механизм. И начнет войну.

- Это вряд ли, - говорит Амбреллин и вручает Базде ее артефакт.

- Я же обещал, что верну тебе его, - говорю я. – А я всегда держу обещание.

Мы прощаемся с семьей Базды, и вчетвером устало плетемся назад, в общежитие Амбреллин, но, услышав крики из квартиры соседей снизу, ускоряем шаг. Мы входим к ним и обнаруживаем

мою юную вурмочку, свернувшуюся на их кровати, мирно дремлющую и пропавшую слюной матрас. Похоже, она нашла дорогу домой, плюс-минус этаж. Мы все начинаем смеяться. Ну, кроме соседей.

- Приятно, - говорю я, - когда мы все вот так вместе. – Я не знаю, что нас ждет в будущем, смогу ли я очистить имя и вернуть работу, или решат ли Саварин и Келлим все же переехать. Но я точно знаю, что будущее таит массу возможностей, и наши дружеские узы разорвать невозможно.